

Спасение и вера по православному учению мученик Михаил Александрович Новоселов

Предисловие к изданию 1913 г.

Предисловие к изданию 1913 г.

Соприкасаясь внутренне в разной степени со всеми предшествующими выпусками, книжка «Спасение и вера по православному учению» стоит в наибольшей связи как с выпусками, посвященными выяснению вопроса о Церкви (вып. 16, 17, 19), так и с теми, в которых уясняется путь спасительного опытного Богопознания (вып. 1, 2, 3, 28, 29 и 30). – Вместе с тем эта книжка является, в известном смысле, введением к целому ряду следующих выпусков, направленных к одной и той же цели: с разных сторон отграничить Божественную область Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви (Православной) от сферы католического раскола и протестантского сектантства, ложно мнящих о себе, как о носителях и обладателях подлинной Христианской Истины. Раскрывая православное учение о спасении, этом основном вопросе живого религиозного сознания, предлагаемый выпуск очерчивает часть того круга, внутри коего начертано: Единая Христова Церковь. Круг этот должен смыкаться по мере выхода следующих выпусков, стремящихся, каждый – со своей стороны, ставить вехи вокруг пажити Христовой, на тихих, текущих в жизнь вечную водах которой пасет Свое словесное стадо Пастыреначальник Господь Иисус. Каждый из ближайших выпусков, отрицательно или положительно, или и тем и другим способом, будет проводить границу между Церковью Божией и обществами человеческими, самовольно присваивающими себе имя Невесты Христовой, и этим воздвигать ограду кругом Новозаветной Христовой Скинии, чтобы как живущие внутри Ее и укорененные там, так и лишь взыскующие драгоценный бисер -Христа, не сбивались на распутия «вне церковных стен», где

блуждают овцы, не знающие должным образом Единого Пастыря – Иисуса, обитающего в Церкви Своей, «оставившие Его, источник воды живой» и припадающие запекшимися устами к «водоемам разбитым, которые не могут держать воды» (Иер.2,13).

Ибо едина вера, едино крещение и Едина Святая, Соборная и Апостольская Церковь, «не имеющая пятна или порока» (Еф.5:27), сей «столп и утверждение Истины» (1Тим. 3:15).¹

I. Общее понятие о спасении

Спасение, говоря общепринятым языком, есть избавление человека от греха, проклятия и смерти. Это определение одинаково может принять и православный, и последователь правового мировоззрения². Но весь вопрос в том, что каждый из них считает в спасении наиболее важным и существенным.

Себялюбца на первом месте поставит, конечно, последствия греха для благополучия человека, т.е. страдания и смерть. Проклятие, отчуждение от Бога тоже представляется ему пагубным опять-таки потому, что приводит к страданию. Понятно, что спасение он объяснит себе, как избавление от страдания, причиненного грехом. Далее, так как сущность греха и его нежелательность самого в себе ускользают от сознания себялюбца, то естественно, что и самый способ избавления представляется ему неправильно, односторонне. Не понимая, почему грех ведет к смерти и пр., себялюбец объясняет это себе только внешне, – тем, что Бог прогневан и потому наказывает. Поэтому и спасение он понимает только как перемену гнева Божия на милость, представляет себе в виде действия, совершающегося только в Божественном сознании и не касающегося души человека. А раз спасение или, говоря точнее, оправдание есть вышеестественное дело Божественного сознания, то и следствие оправдания – освящение вполне последовательно приписать тому же Божественному решению.

Конечно, человеческое сознание должно было бы восстать против такого извращения душевной жизни: ведь, душа – не какое-нибудь вещество, чтобы в ней было возможно такое помимовольное превращение. Но ум нередко не предписывает, а покорно следует чувству и воле, – так и здесь. Так как все внимание греховного человека устремлено к тому, чтобы не страдать, чтобы получить безбедную жизнь в самоуслаждении, то он и не думает много о том, каким путем достигается эта возможность вечно благодушествовать. Мало того, помимовольное превращение его души ему было бы еще

желательнее. Добра он не любит, труда над собой ради святости он не понимает и боится, жертвовать любезным ему грехом – ему тяжело и неприятно. Чего лучше, если без всяких усилий с его стороны, без неприятного напряжения и борьбы с собой, его вдруг сделают любящим добро и исполняющим волю Божию и за то блаженствующим? Это и есть то самое, чего нужно его себялюбивой и саможалеющей природе.

Между тем, для православного сознания грех сам по себе, помимо всяких своих губительных последствий, составляет величайшее зло, и даже он один и является «злом в собственном смысле», как говорит св. Василий Великий, «злом действительным». Все же, что считается злом только «по болезненности ощущения», с точки зрения саможаления, – все это для православного «зло только мнимое, имеющее силу добра». Смерть сама по себе не страшна для православного, он боится «смерти, скрывающейся внутри, в сердце», боится «смерти внутренней», потому что только она и есть для него «истинная смерть». Освободить истинного последователя Христова от всех последствий греха, но не освободить от самого греха, значит не только не спасти его, но и подвергнуть самой горькой и страшной участи, какую только он может себе вообразить: вечно жить и вечно грешить, – это для него хуже геенны. «Если бы, – говорит Климент Александрийский, – мы могли представить, что кто-нибудь предложил гностику (истинному), желает ли он выбрать познание Бога и вечную жизнь, и если бы эти две вещи, которые совершенно тождественны, были разделены, – то гностик без малейшего колебания избрал бы познание Бога, признавая, что обладание верой, которая от любви восходит к познанию, желательно само по себе». Истинный христианин предпочел бы быть святым – и страдать, чем вечно блаженствовать – и грешить. Отсюда очевидно, что и в понятии спасения православный на первое место поставит освобождение от греха самого в себе, избавление же от мук и страданий примет в качестве простого следствия, которое в сущности ничего не прибавляет к получаемому благу, – так оно незначительно сравнительно с благом в собственном смысле. Спасение для православного

прежде всего и главным образом есть избавление от греха. Так, действительно, учат о нем Св. Писание и Отцы Церкви.

Учение о спасении Ветхого Завета

Ветхий Завет был, конечно, временем сени и гаданий: светлую пору избавления ветхозаветный человек представлял себе более под видом восстановления царства еврейского в обетованной земле. Однако, лучшие люди не забывали, что речь идет прежде всего о царстве Божием, что Господь восстанавливал это царство *«ради Себя Самого»* (Ис.48,11), а не ради благодушия собственно израильтян. Поэтому, описывая будущего Спасителя и будущее царство, пророки не забывали указать, где это нужно было, что Спаситель приведет Свой народ ни к чему иному, как к святости, что радость будущего будет сосредоточиваться в возможности быть всегда с Богом, угождать пред лицом Его и приносить Ему жертвы благоприятные. *«Вывел:(Господь) народ Свой в радости, избранных Своих в веселии. И дал им земли народов, и они наследовали труд иноплеменных (но все это затем), чтобы соблюдали уставы Его и хранили законы Его»* (Пс.104,43–45), чтобы утвердить среди них царство добра. Поэтому, прося Господа *«ублажить благоволением Сиона и создать стены Иерусалимские»*, пророк немедленно же, как особенно заметную черту будущего благополучия, указывает в том, что *«тогда благоволиши жертву правды, возношения и всесожегаемая, тогда возложат на олтарь Твой тельцы»* (Пс.50,20–21), т.е. будущее царство должно быть царством благочестия, союза с Богом, который (союз) так часто нарушали грехолюбивые израильтяне. Союз с Богом, как конец спасения, состоит не только в том, что человек здесь находит вечный покой своей душе, ничем не нарушаемое чувство безопасности, но и в том, что Господь *«наставит его на стезю правды»*, что соблюдает его не только от зла внешнего, но и нравственного (Пс.22,2, 5, 3).

Св. пророк Исаия изображает светлый день Иерусалима и воцарение отрасли Иессеевой, как царство мира. *«Тогда, – говорит пророк, – волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев*

и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на... святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис.11,6–9). Вот существенная черта царства отрасли Иессеевой – знание Бога и святость. «Не будет уже солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны – светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом, и Бог твой – славою твоею». Народ Божий не будет тогда думать о себе, о своем благополучии, Господь будет его светом, единственным содержанием его жизни, самой высшей утехой. Необходимым же признаком этого блаженства в союзе с Богом будет то, что «народ весь будет праведный» (Ис.60,1, 16, 19–21. Ср. Ис. 29,22–24; Ис.33, 5–6). «Тогда оставшиеся на Сионе и уцелевшие в Иерусалиме будут именоваться святыми, все вписанные в книгу для жития в Иерусалиме, когда Господь омоем скверну дочерей Сиона и очистит кровь Иерусалима из среды его духом суда и духом огня» (Ис.4,3–4). Вот какими свойствами будет отличаться царство Господне, и вот в чем последняя цель восстановления Сиона.

Провидел пришествие праведной Отрасли Давида и св. пророк Иеремия и изобразил это пришествие в тех же чертах. «Вот имя Его, которым будут называть Его: «Господь оправдание наше!» (Иер. 23, 4, 5, 6). Поэтому и все царство будет царством святости и правды. «Так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: впредь, когда Я возвращу плен их (когда спасу их), будут говорить на земле Иуды и в городах его сие слово: «да благословит тебя Господь, жилище правды, гора святая!» (Иер.31,23. Ср. Иер.3,1–19; Иер.24,6–7).

То же провидел и св. пророк Иезекииль. Вечное царство, которое откроет Господь в Сионе, будет утверждаться на самом тесном, внутреннем общении народа с Богом, а это само собою уже предполагает праведную жизнь. «И не будут уже осквернять себя идолами своими и мерзостями своими и всякими пороками своими, и освобожу их из всех мест

жительства их, где они грешили, и очищу их»... Это прекращение греха и соединит Израиль в единый нераздельный народ и сделает вечным его общение с Богом. «И будут Моим народом, и Я буду их Богом. А раб Мой Давид будет Царем над ними и Пастырем всех их, и они будут ходить в заповедях Моих, и уставы Мои будут соблюдать и выполнять их. И будут жить на земле, которую Я дал рабу Моему Иакову, на которой жили отцы их; там будут жить они и дети их, и дети детей их во веки; и раб Мой Давид будет князем у них вечно. И заключу с ними завет мира, завет вечный будет с ними. И устрою их, и размножу их, и поставлю среди них святилище Мое навеки. И будет у них жилище Мое, и буду их Богом, а они будут Моим народом» (Иез.37,23–27. Ср. Иез. 11,17–20; Иез.36,24–28).

Пророки рисуют в самых сильных чертах будущее торжество Израиля над народами, описывают восстановление Иерусалима и царства Израильского, описывают будущее богатство, благополучие и пр. Однако, эти черты не поглощают всего их внимания; мало того, эти черты больше говорят о начале царства, а не о его существовании. Но лишь только пророки переходят к описанию того, как и чем будет наслаждаться Израиль в будущем царстве, – сразу же в их речах выступает, в качестве главной, основной черты этого царства, его святость, Богоугодность, свобода от всякого греха. Мессия чрез то самое, что Он освободит народ из плена, даст ему возможность жить свято и в общении с Богом. Тяжело, конечно, было чужеземное рабство, тяжела вся вообще бедственность жизни, но главный гнет, давивший нравственное сознание истинного Израиля, был все-таки грех. Потому и избавление от него было главным содержанием понятия о спасении.

Эта основная мысль пророчества замечательно ясно выражается на рубеже двух Заветов отцом Иоанна Крестителя, священником Захарию. «Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой, и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в доме Давида, отрока Своего, как возвестил устами бывших от века святых пророков Своих, что спасет нас от врагов наших и от руки всех ненавидящих

нас, сотворит милость с отцами нашими, и помянет святой завет Свой, клятву, которою клялся Он Аврааму, отцу нашему, дать нам, небоязненно, по избавлении от руки врагов наших, служить Ему к святости и правде пред Ним, во все дни жизни нашей». Поэтому и призвание новорожденного Предтечи будет «дать уразуметь народу Божию спасение», именно, «в прощении грехов»; целью же «посещения Востока свыше» будет «просветить сидящих во тьме и сени смертной, направить ноги наши на путь мира» (Лк.1,68–75, 77–79).

Учение о спасении Нового Завета

Приходит, наконец, время родиться Самому Востоку свыше. Ангел является во сне Иосифу и повелевает ему назвать рождающегося Младенца Иисусом. *«Ибо, – говорит Ангел, – Он спасет людей Своих от грехов их»* (Мф.1,21). В этом спасении от грехов полагал Свое призвание и Сам Господь Иисус Христос. *«Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас»*. В чине пострижения прибавляется: «обремененные грехами», и эта прибавка вполне оправдывается дальнейшим ходом речи. В чем состоит предлагаемое Христом упокоение? *«Возьмите иго Мое на себя, и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим»* (Мф.11,28–29). Покой, спасение – в перемене нравов. Верный Своему призванию «взыскать и спасти погибшее», Сын Человеческий приходит в дом Закхея и говорит: *«ныне пришло спасение дому сему, потому что и он: (Закхей) сын Авраама»*. Слова же эти сказаны были в ответ на восклицание Закхея: *«Господи! половину имущества моего отдам нищим, и, если кого... обидел, воздам вчетверо»* (Лк.19:10, 9, 8). Мытарь, сребролюбец по самому своему положению, вдруг разрешается от уз своей страсти. Господь и называет это спасением.

Св. Апостол Петр убеждает своих читателей благодушно переносить все скорби здешней жизни, чтобы *«достигнуть, наконец, верою спасения душ»*. *«По примеру призвавшего вас Святого, и сами будьте святы во всех поступках... зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной... от отцов, но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого агнца»* (1Пет.1,9, 15, 18–19).

Св. Апостол Павел так описывает спасение, совершенное Иисусом Христом: Явившаяся благодать Божия потому и *«спасительна всем человекам»*, что *«научает нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестно жили в нынешнем веке»*. В этом и цель, и смысл дела, совершенного для нас Иисусом Христом,

так как «Он дал Себя за нас:(для того именно), чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам» (Тит.2,11–12,14), чтобы «избавить нас от настоящего лукавого века» (Гал.1,4). – Спасение состоит в том, что Бог «избавил нас от власти тьмы»; а тьма эта была наше отчуждение от Бога и греховная жизнь. «По расположению к злым делам», мы были враждебно настроены против Бога и «отчуждены» этим от Него (себялюбцу всякий, кто полагает предел его хотению, представляется врагом). «Ныне Бог примирил нас... чтобы представить нас святыми и непорочными и неповинными пред Собой». Но все это, конечно, под тем неперменным условием, если мы пребываем в своем призвании: «если только пребываете тверды и непоколебимы в вере и не отпадаете от надежды благовествования, которое вы слышали» (Кол.1,13,21–23), иначе вражда наша против Бога опять воскреснет.

Главное в вопросе о спасении полагается священными писателями в грехе самом в себе, даже независимо от его последствий. Странствие не есть зло для человека, – злом является грех; от него жаждали избавиться люди Ветхого Завета; свободу от него проповедал Христос с апостолами Своими в Новом.

Учение свв. Отцов

Отцы Церкви также понимали спасение, как спасение прежде всего от грехов. «Христос наш, – говорит св. Иустин Мученик, – искупил нас, погруженных в тягчайшие грехи, соделанные нами, – чрез Свое распятие на дереве и чрез освящение нас водою и сделал нас домом молитвы и поклонения». «Мы, – говорит св. Иустин, – еще будучи преданы блудодеянию и всякому вообще гнусному делу, совлекли в себе благодатию, дарованною нашим Иисусом по воле Отца Его, все нечистое и злое, во что мы были облечены. На нас восстает диавол, всегда действующий против нас и желающий всех привлечь к себе; но Ангел Божий, т.е. сила Божия, ниспосланная нам чрез Иисуса Христа, запрещает ему, и он удаляется от нас. И мы как будто выхвачены из огня, потому что избавлены и от прежних грехов, и от мучения и пламени, которые готовит нам диавол и все слуги его, и от которых опять избавляет нас Иисус Сын Божий». Таким образом, св. Иустин не позабывает и последствий греха, но избавление от них представляется ему последствием спасения, а не его существом и главной целью («опять избавляет»). Сущность же спасения в том, что Господь Иисус Христос даровал нам силу, которою побеждаем прилоги нападающего на нас диавола и пребываем свободными от своих прежних страстей.

«Я, – говорит преп. Ефрем Сирин, – спасся от множества долгов, от легиона грехов, от тяжких уз неправды и от сетей греха, Спасся от лукавых дел, от тайных беззаконий, от скверны растления, от мерзости заблуждений. Восстал я из этой тины, изник из этого рва, вышел из этой тьмы; уврачуй же, Господи, по неложному обетованию Твоему, все немощи, какие видишь во мне». В этих словах преп. Ефрем не только выражает сущность спасения со стороны его содержания, но дает понять и самую форму его, способ, каким оно совершается: оно не есть какое-нибудь внешне-судебное или магическое действие, а развитие, постепенно совершающееся в человеке действием благодати Божией, так что могут быть степени искупления. «Совершенный

христианин, – выражает эту же мысль св. Отец, – всякую добродетель и все превосходящие природу нашу совершенные плоды духа... производит с услаждением и духовным удовольствием, как естественные и обыкновенные, уже без утомления и легко, не борясь более с греховными страстями, как совершенно искупленный Господом».

Ту же мысль можно найти в очень ясной форме у св. Афанасия Александрийского, «Поелику, – говорит он, – естество человеческое, претерпев изменение, оставило правду и возлюбило беззаконие, то Единородный соделался человеком, чтобы, в Себе Самом исправив сие, внушить естеству человеческому – любить правду и ненавидеть беззаконие».

Христос «именуется, по словам св. Григория Богослова, «Избавлением» (1Кор.1,30), как освобождающий нас, содержащихся под грехом, как давший Себя за нас в искупление, в очистительную жертву за вселенную».

Сущность спасения

Итак, с православной точки зрения, сущность, смысл и последняя цель спасения человека состоит в избавлении его от греха и в даровании ему вечной святой жизни в общении с Богом. О последствиях греха, о смерти, страдании и прочем православный отнюдь не забывает, отнюдь не является неблагодарным за избавление от них Богу, – но это избавление не является для него главной радостью, как оно является в жизнепонимании правовом. Подобно апостолу Павлу, православный сокрушается не столько о том, что ему грозит наказание за грех, от которого (греха) он не может никак освободиться, сколько о том, что ему не *«избавиться от сего тела смерти»*, в котором живет *«ин закон... противовоюющий»* улаждающему его *«закону ума»*: (Рим.7,22–25). Не страх за себя, а желание святости, жизни по Богу заставляет скорбеть истинного подвижника благочестия.

Если же в этом сущность спасения, тогда и самый способ его становится для нас определенным.

Если думать только о том, чтобы избавить человека от страдания, тогда совершенно безразлично, свободно ли или не свободно со стороны человека это избавление. Но если человека нужно сделать праведным, нужно освободить именно от греха, тогда совсем не безразлично, будет ли человек только страдательным предметом для действия сверхъестественной силы, или сам будет участвовать в своем избавлении.

Спасение совершается непременно при участии сознания и свободы человека, есть дело нравственное, а не механическое.

Поэтому-то, в Св. Писании и в творениях Отцов Церкви и замечается постоянное стремление убедить человека совершать свое спасение, потому что без собственных усилий никто спастись не может. Святость, если она будет произвольным достоянием природы, потеряет свой нравственный характер и превратится в безразличное состояние. «Нельзя быть добрым по необходимости» (И. Златоуст).

Поэтому равно неправильно представлять себе спасение делом, как извне вменяемым человеку, так и происходящим в человеке помимо участия его свободы. И в том и в другом случае человек оказывался бы только безвольным предметом чужого воздействия, и святость, полученная им таким путем, ничем не отличалась бы от святости прирожденной, не имеющей нравственного достоинства, и, следовательно, совсем не тем, высшим благом, которого ищет человек. «Я, – говорит св. И. Златоуст, – слышал многих, говоривших: «Для чего Бог сотворил меня самовластным в добродетели?» – Но как возвести на небо тебя, дремлющего, спящего, преданного порокам, роскоши, чревоугодию? Ты и там не отстал бы от пороков?» «Человек не воспринял бы насильно навязанной ему святости и остался бы при прежнем. Поэтому, хотя благодать Божия делает весьма много в спасении человека, хотя можно все приписать ей, однако она «также нуждается в верующем, как писчая трость или стрела в действующем» (Кирилл Иерусалимский). «Не насилием и самоуправством, но убеждением и добродушием уготовляется спасение человека. Посему всякий полновластен в собственном спасении» (Исидор Пелусиот). И это не в том только смысле, что он страдательно воспринимает воздействие благодати, так сказать, предоставляет себя благодати, но в том, что он встречает предлагаемое ему спасение самым горячим желанием, что он «ревностно устремляет свои очи к свету» (Божью) (Ириней Лионский). «Подвигоположник, – говорит преп. Ефрем Сирин, – всегда готов подать тебе Свою десницу, и восставить тебя от падения. Ибо, как скоро ты первый протянешь к Нему руку, Он подаст тебе десницу Свою, чтобы восставить тебя». А эта решимость принять благодатную помощь необходимо предполагает, что и в последующий момент, в момент самого воздействия благодати, человек не остается праздным, не ощущает только свое спасение, но «действующей в нем благодати содействует». Всякое добро, совершающееся в человеке, всякий его нравственный рост, всякий перелом, происходящий в его душе, необходимо совершаются не вне сознания и свободы, так что не другой кто-нибудь, а «сам

человек изменяет себя, из ветхого превращаясь в нового». Спасение не может быть каким-нибудь внешне-судебным или физическим событием, а необходимо есть действие нравственное, и, как такое, оно необходимо предполагает в качестве неизбежнейшего условия и закона, что человек сам совершает это действие, хотя и с помощью благодати. Благодать, хотя и действует, хотя и совершает все, но непременно внутри свободы и сознания. Это – основное православное начало, и его не нужно забывать, чтобы понять учение Православной Церкви о самом способе спасения человека.

Учение Св. Писания

Св. Писание, действительно, говорит о коренном нравственном изменении человека в крещении. Апостол Павел называет крещение смертью греху. *«Мы, – говорит он, – умерли для греха: как же нам жить в нем?»* В чем же состоит эта смерть? *«Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни... наш ветхий человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху»* (Рим.6:2–4, 6). Дальнейшее же убеждение быть верными своему призванию, пребывать чуждыми греху дает понять, что и самая смерть греху совершается тоже путем нравственным, есть акт насколько «таинственный, настолько же и свободно-охотный». «Умертвие, – говорит преосв. Феофан в толковании на приведенные слова апостола Павла, – разумеется не физическое, а нравственное, состоящее в отвержении от всякого греха и возненавидении его. Ибо как приступают ко Господу? – Каясь и крестясь, – как указал св. Петр в день Пятидесятницы вопрошавшим: *«что убо сотворим?.. покайтесь, и да крестится кийждо в вас»*, – ответил он (Деян.2,37, 38). А каяться – что значит? – Говорить в сердце своем: согрешил, не буду. Это не буду и есть смерть греху». Другими словами, крещение, по мысли апостола Павла, было тем же «обещанием Богу доброй совести», каким было оно и по мысли апостола Петра (1Пет.3,21).

Согласно со Св. Писанием учили свв. Отцы и Учители Церкви, описывая оправдание человека и благодатное действие таинств крещения и покаяния. Начнем с более древних свидетелей.

Св. Иустин Мученик

Св. Иустин Мученик в «Разговоре с Трифоном» весьма ясно различает христианское невменение греха от обычного, только внешнего, так сказать, попущения греха. «Все желающие, – говорит св. Иустин, – если они покаются, могут получить милость от Бога, – и Писание называет их блаженными, говоря: «блажен человек, которому Господь не вменит греха», – т.е., покайся в своих грехах, он получит от Бога прощение их; но не так, как вы обольщаете себя самих и некоторые другие, подобные вам в этом, которые говорят, что, хотя они грешники, но знают Бога, и Господь не вменит им греха. Как доказательство этого, мы имеем одно преступление Давида, случившееся от его гордости, которое было потом прощено, когда он плакал и скорбел так, как написано. Если же такому человеку прощение не было дано прежде покаяния, но только тогда, когда он, великий царь, помазанник и пророк, так плакал и вел себя, то как нечистые и крайне преступные, если они не будут скорбеть и плакать и не покаются, могут надеяться, что Господь не вменит им греха?»

Таким образом, прощение не в том состоит, что покрывается или прощается существующий грех, – такого прощения нет в христианстве. Человек получает прощение только тогда, когда будет скорбеть о совершенном грехе и покается в нем, т.е. решит впредь не грешить, обещается Богу, – тогда он и прощается. Св. Иустин, действительно, и высказывает эту мысль при описании св. крещения. «Кто убедится и поверит, что это учение и слова наши истинны, и обещается, что может жить сообразно с ним, тех учат, чтобы они с молитвою и постом просили у Бога прощения прежних грехов, и мы молимся и постимся с ними. Потом мы приводим их туда, где есть вода, и они возрождаются таким же образом, как сами мы возродились, т.е. омываются тогда водою во имя Бога Отца и Владыки всего, и Спасителя нашего Иисуса Христа, и Духа Святого»...

II. Прощение грехов и нравственное изменение человека

Сущность крещения или таинства покаяния состоит в коренном перевороте, совершаемом в душе человека, в изменении всей его жизни. Человек был рабом греха, исполнял похоти диавола, был врагом Божиим, – теперь он решает прекратить грех и быть в общении со Святым Господом. Решение это, конечно, есть дело свободы человека, но совершается в душе только при воздействии и при помощи благодати, которая сообщается в таинстве. «Крещение же, – спрашивает преосв. Феофан, – что придает? – Закрепляет благодатию сие решение воли и дает силу устоять в сем решении». До принятия благодати человек только желал следовать Христу и исполнять Его волю. Но грех продолжал быть для него приятен. Благодать же Божия настолько укрепляет решимость человека, что он начинает ненавидеть грех, т.е. окончательно считает его злом для себя, как прежде считал его своим благом. Это значит, что человек совсем перешел на сторону Господа и стал Его верным рабом (Рим.6,17–18). Благодать таинства, входя, так сказать, в душу человека и непременно «срастворяясь с человеческим усердием» (Исидор Пелусиот), закрепляет и осуществляет совершаемый волей человека нравственный переворот и дает человеку силы устоять в принятом решении (если только, конечно, человек не отвернется опять от благодати). Этим самым коренным изменением направления жизни и совершается «уничтожение всего прежнего» (Кирилл Иерусалимский).

Всякое греховное падение кладет известную печать на душу человека, так или иначе влияет на ее устройство. Сумма греховных действий составляет, таким образом, некоторое прошлое человека, которое влияет на его поведение в настоящем, влечет его к тем или другим действиям. Таинственно свободный переворот в том и состоит, что нить жизни человека как бы прерывается, и образовавшееся у него

греховное прошлое теряет свою определяющую принудительную силу, как бы выбрасывается из души, становится чуждым для человека. Какое бы ни было это прошлое, будет ли это наследство от родителей (грех первородный), или последствия поступков самого крещаемого, все это одинаково зачеркивается в жизни человека, лишь бы только он искренно отвернулся от этого, лишь бы только он окончательно порвал с этим прошлым связь³. Из купели выходит новый человек, без определения ко греху, но с укрепленной благодатию ревностью творить волю Божию и более Бога не покидать. Грех не забывается и не вменяется человеку в силу каких-нибудь посторонних для души человека причин, – грех в буквальном смысле удаляется от человека, перестает быть частью его внутреннего содержания и относится к тому прошлому, которое прожито, которое, таким образом, с настоящим человека не имеет ничего общего. А раз в настоящем греха нет, – нет, следовательно, и отчуждения от Бога, человек «примирен и воссоединен с Церковью»⁴, святым царством Божиим и Богом, грех действительно прощен человеку.

Св. Кирилл Иерусалимский

Непосредственно касается вопроса о крещении св. Кирилл Иерусалимский, самые творения которого: «Огласительные поучения», прямо отвечают на наш вопрос. Св. Кирилл ясно представляет возрождение человека в крещении в виде жизненного и вместе нравственно-свободного переворота в душе. Человек, приступающий к крещению, должен вполне искренно и решительно отбросить свою прежнюю жизнь по стихиям мира и определить себя к добру. Это в корне изменяющее человека решение или изволение и делает человека «званным», т.е. действительно, а не в воображении только, приводит его в общение с Богом и к началу новой жизни.

Чтобы совершилось начало новой жизни, необходимо, чтобы прежняя была на самом деле отвергнута. Господь дает свою чудную спасительную печать только там, где видит «добрую совесть», т.е. не словесное только обещание, а искреннее желание быть добрым. «Как приступающие к набору воинов входят в исследование о возрасте и телесном сложении набираемых, так и Господь, вписуя в воинство Свое души, испытует произволения. И, если кто имеет сокрытое лицемерие, – отвергает сего человека, как неспособного к истинному служению в воинстве. А если найдет достойного, с готовностью дает ему благодать. Не дает же *«святая псом»* (Мф.7,6). Где видит добрую совесть, там дает чудную спасительную печать, которой трепещут демоны и которую знают ангелы». Необходим, следовательно, действительный, сознательно-свободный перелом душевный, чтобы таинство вполне принесло пользу человеку. Без свободного же содействия, без помянутого перелома человек только напрасно искушает Господа. Эта мысль была в глазах св. Кирилла столь важной, что он несколько раз возвращается к ней в своих «Оглашениях», стараясь как можно сильнее запечатлеть ее в умах, готовящихся к просвещению.

«Если, – говорит Святитель в «Слове предогласительном», в самом начале, – телом ты здесь (т.е. принимаешь таинство),

но не здесь мыслию, то нет в этом пользы. И Симон волхв приступал некогда к купели сей. И крестился, но не просветился; омыл тело водою, но не просветил сердца Духом; погружалось в воду и вышло из воды тело, а душа не погребалась со Христом, и не воскресла с Ним. Представляю примеры падений, чтобы тебе не пасть... Мы, служители Христовы, приемлем всякого и, как бы исправляя должность придверников, оставляем двери не запертыми. Нет запрещения войти тебе, если у тебя и душа осквернена грехами, и намерение нечисто... Если же останешься при злом произволении, предваряющий тебя не виновен, но ты не ожидай приять благодать. Приимет тебя вода, но не восприимет Дух».

С этой точки зрения принятие таинства крещения представляется великим испытанием совести человека, таким поворотным моментом в жизни человека, что, если он его пропустит, то ничем уже не поправит своего положения. «(Св. Дух) испытывает душу, не *«пометает бисер пред свиниями»*. Если лицемеришь, то люди крестят тебя теперь, а Дух не будет крестить. А если пришел ты по вере, то люди служат в видимом, а Дух Святый дает невидимое».

Благодаря этому перевороту в душе человека и грехи ему оставляются. «Не спрашивай: «Как изгладятся грехи мои?» Сказываю тебе: изволением, верою. Что сего короче? Но если уста твои скажут, что желаешь, а сердце не скажет сего, то судит тебя Сердцеведец. С нынешнего дня оставь всякое негодное дело. Пусть язык твой не произносит непристойных слов, не погрешает взор твой, и мысль твоя не кружится над тем, что бесполезно». «Уготовь, – говорит св. Кирилл в другом месте, – душевный сосуд, чтобы соделаться тебе сыном Божиим, наследником Богу, сонаследником Христу (Рим.8,17), если только уготовляешь себя к тому, чтобы приять, если с верою приходишь для того, чтобы сделаться верным, если по собственному произволению отлагаешь ветхого человека. Ибо прощено тебе будет все, что ни сделано тобою». Таким образом, собственное произволение оставить ветхого человека является условием благодатной действенности таинства: ветхий человек действительно умирает, и прежняя жизнь прощается человеку.

Нет произволения, ветхий человек не умирает, тогда нет и прощения.

Св. Василий Великий

По мысли св. Василия Великого, принятие таинства есть наше примирение с Богом, Который предварительно простил грехи всем людям. «Как душа несомненно удостоверяется, что Бог отпустил ей грехи? – Если усмотрит в себе расположение сказавшего: *«Неправду возненавидех и омерзих»* (Пс.118, 163): потому что Бог, для отпущения наших грехов ниспослав Единородного Сына Своего, со Своей стороны предварительно отпустил грехи всем».

В чем же состоит содействие с нашей стороны благодати Божией? – В том, что мы «бываем в подобии смерти Его, спогребшись Ему крещением» (Рим. 6, 4, 5). – «В чем же образ погребения? И почему полезно такое подражание? – Во-первых, нужно, чтобы порядок прежней жизни был пресечен. А сие, по слову Господню, невозможно для того, *«кто не родится свыше»* (Ин.3,3). Ибо пакибытие, как показывает и самое имя, есть начало новой жизни. Посему до начатия новой жизни надобно положить конец жизни предшествовавшей. Как у тех, которые бегут на поприще туда и обратно, два противоположные движения разделяются некоторою остановкою и отдыхом: так и при перемене жизни оказалось необходимым, чтобы смерть служила средою между тою и другою жизнью, оканчивая собою жизнь предыдущую и полагая начало жизни последующей». В этом-то пресечении порядка прежней жизни и состоит сущность таинственно-свободного воздействия на душу таинства крещения. Символом этой смерти греху и служит погружение в воду. «Как же совершаем сошествие во ад? – Подражая в крещении Христову погребению; потому что тела крещаемых в воде как бы погребаются. Посему крещение (т.е. погружение, видимая форма крещения) символически означает отвержение дел плотских (внутренняя сторона крещения, как таинства), по слову апостола, который говорит: *«обрезани бысте обрезанием нерукотворенным, в совлечении тела греховного плоти, в обрезании Христове, спогребшеся ему крещением»* (Кол.2,11–

12). Оно есть как бы очищение души от скверны, произведенной в ней плотским мудрованием, по написанному: «омыеши мя, и паче снега убелюся» (Пс.50,9). Прощение грехов человеку и имеет основанием указанную смерть греху, это пресечение порядка прежней жизни. Не будь пресечения, тогда не может быть и прощения. «В каком случае отпускаются душевные грехи? – Когда добродетель, возобладав душою и всецело оградив ее своими уроками, произведет в ней отвращение от противоположного расположения... Кто так расположен, вследствие навыка (т.е. вследствие окончательно сложившегося решения), тому могут быть отпущены прежние неправды... Кто так у врачевал себя, приняв расположение, противное греховному, для того полезна и благодать прощения... Невозможно, чтобы кто-нибудь без Божия прощения предался добродетельной жизни (необходима благодатная помощь для выполнения решения). Посему премудрый Домостроитель нашей жизни хочет, чтобы живший во грехах и потом дающий обет восстать к здоровой жизни – положил конец прошедшему, и после содеянных грехов сделал некоторое начало, как бы обновившись к жизни через покаяние».

Св. Григорий Нисский

Св. Григорий Нисский постоянно проводит ту мысль, что человек может возродиться только под условием свободного решения не грешить, которое делает возможным для него принятие благодати. В своем «Огласительном Слове», он подобно св. Кириллу Иерусалимскому настаивает на той мысли, что без этого свободного решения принятие таинства не пользует нисколько.

«Если, по слову пророка, измывшись в сей таинственной бане (крещении), стали мы чисты произволениями, смыв лукавства с душ (Ис.1,16): то соделались лучшими и претворились в лучшее. Если же баня послужила телу, а душа не свергла с себя страстных нечистот, – напротив, жизнь по тайнодействию сходна с жизнью до тайнодействия, – то, хотя смело будет сказать, однако же скажу и не откажусь, что для таковых вода остается водою».

Если человек не решит бросить совершенно грех и если со всею своею силою не будет стараться удержаться в этом решении, тогда напрасно он принимал таинство: он участвовал в нем только телом, душа же не получила ничего от этого участия. Это и понятно. Сущность крещения в «пресечении непрерывности зла»; если человек этого пресечения не делает, тогда зачем принимать крещение? «В образе умерщвления, представляемом посредством воды, производится уничтожение примешавшегося порока, правда, не совершенное уничтожение, но некоторое пресечение непрерывности зла, при стечении двух пособий к истреблению зла: покаяния согрешившего и подражания смерти, которыми человек отрешается несколько от союза со злом, покаянием будучи приведен в ненавидение порока и отчуждение от него, а смертью производя уничтожение зла». Таким образом, уничтожение зла в человеке происходит именно путем свободного отчуждения человека от порока и порочной жизни. «Если свободное движение нашей воли прервет сношение с не-сущим (каково зло по существу) и сблизится с Сущим, то, что теперь во мне, не имея более бытия,

вовсе не будет иметь и того, чтобы оставаться во мне, потому что зло, вне произволения взятое, не существует само по себе». В этом основной закон отношения ко злу. Этот же закон действует и при уничтожении зла в крещении.

Св. Григорий Богослов

Для св. Григория Богослова отпущение грехов в крещении отнюдь не было внешним событием, независимым от свободного определения человека: если Бог и отпускает крещающемуся грехи, то, чтобы это отпущение было действительно, необходимо «предочиститься», создать в себе «навык к добру», т.е. решительно определить себя к доброй жизни. Тогда только можно поручиться, что крещение не будет только формой или бесплодным талантом, но на самом деле «обеспечит человеку искупление». «Должно предочиститься тем, которые приступают к крещению небрежно и без приготовления и не обеспечивают искупления навыком в добре. Ибо хотя благодать сия и дает отпущение прежних грехов, но тогда тем паче требуется от нас благоговение, чтобы не возвратиться на ту же блевотину». «Купель, – говорит св. Григорий в другом месте, – дает отпущение грехов соделанных, а не содеваемых (не тех, которые еще господствуют в душе). Надобно, чтобы очищение не на показ было произведено, а проникло тебя, чтобы ты стал светел совершенно, а не прикрашен (только) снаружи, чтобы благодать служила не прикровением грехов, а освобождением от оных». А это зависит от самого человека, к которому св. Отец и обращается с увещанием.

Св. Иоанн Златоуст

Св. Иоанн Златоуст сравнивает прощение грехов, совершаемое в крещении, с обычным царским прощением и находит между ними то коренное различие, что царское прощение бывает делом внешним, тогда как Божие прощение в крещении существенно изменяет человека. «Прощать грехи возможно одному Богу, начальники и цари, хотя прощают прелюбодеев и человекоубийц, но они освобождают их только от настоящего наказания (сущность прощения с точки зрения правовой), а самых грехов их не очищают; и хотя бы они возвели прощенных в высшие звания, хотя бы облекли их в порфиру, хотя бы возложили на них диадему, и тогда они сделают их царями, но от грехов не освободят; это совершает один Бог. Он совершает это в бане пакибытия; ибо благодать касается самой души и с корнем исторгает из нее грех. Посему душа прощенного царем может быть нечистою, а душа крещенного – нет; она чище самых солнечных лучей и такова, какою была в начале, и даже гораздо лучше; ибо она получает Духа, Который совершенно воспламеняет ее и делает святою. Как ты, переплавляя железо или золото, делаешь его опять чистым, новым, так точно и Дух Святой, переплавляя душу в крещении, как бы в горниле, и истребляя грехи, делает ее чище и блистательнее всякого золота».

Как же, однако, происходит это очищение души, уничтожение греха в крещении? – Хотя, – учит Святитель, – грех и истинно умирает в нас чрез крещение, однако надобно, чтобы мы и сами содействовали его умерщвлению.

Это содействие и описывается св. Иоанном: Златоустом в «Беседе на Послание к Евреям». «Кто намеревается обратиться к добродетели, тот наперед должен отказаться от пороков, и тогда уже вступить в жизнь добродетельную. Покаяние не могло сделать верующих чистыми; потому они тотчас же (однако после покаяния) крестились, чтобы, чего они не могли сделать сами собою, того достигнуть благодатию Христовою. Следовательно, покаяние недостаточно для очищения, а нужно

принять крещение. Ко крещению же надобно приступать, отказавшись наперед от своих грехов и осудив их». Благодатная помощь, таким образом, необходима для того, чтобы довершить то, чего сами мы сделать не в состоянии. Но это прямо предполагает, что мы старались делать все, что только могли.

Св. Кирилл Александрийский

Так же раскрывает существо Божественного прощения грехов и св. Кирилл Александрийский. «Когда, – говорит он, – мы перестаем грешить и при помощи наклонности к лучшему как бы приводим душу к избранию того, что полезно, тогда мы удаляем от себя безобразие прежде совершенных грехопадений (основной закон прощения) и, уничтоживши зловоние греха благовонием последующих добрых дел, мы опять войдем в стан святых, т.е. в церковь первородных». Поэтому и Отец «приемлет заблудших (под тем лишь условием), если они оказываются чистыми от приразившихся к ним нечестивых семян и если не принесут с собою никакого остатка мерзости введших их в заблуждение». Необходимым условием прощения является отрешение от греха; только благодаря ему человек может быть принят Отцом. «Только решившись отказаться от пристрастной к удовольствиям и мирской жизни, и с величайшею ревностью стараясь следовать законам Божиим, но еще не обогатившись благодатию чрез святое крещение, мы не весьма сильны, или способны, на дело страдания и перенесения трудов ради добродетели». Сущность крещения, таким образом, в том, что человек как бы приносит себя в жертву Богу, «мысленно претерпевает священную смерть», благодать же восполняет то, чего не могут сделать решение человека и его величайшая ревность: благодать делает непоколебимым решение человека – вперед не грешить. Это же решение служит в свою очередь основанием прощения.

Св. Ефрем Сирин

Преп. Ефрем Сирин представляет прощение грехов действием весьма существенным, сопровождающимся не невменением только греха или не забвением последнего, а прямым, решительным уничтожением его. Прощенный человек не только не боится наказания, но и получает силы к прохождению добродетельной жизни. Прощение есть перемена человека. «Как скоро взор Твой, Господи всяческих, обращается на мглу грехов моих, она исчезает предо мною, и беспрепятственно, со всею ревностью, начинаю ходить путем заповедей Твоих, укрепляюсь надеждою на Тебя и освобождаюсь от мрака заблуждений». Однако, каким именно способом прощение грехов обновляет человека? «Скажу тебе, – отвечает преп. Ефрем Сирин, – как человек чрез покаяние делается совершенным, чтобы, узнав самый способ, не иметь тебе извинения. Слушай. Приносишь ты покаяние в отравлении других? Истреби всякий след сего, неявное только оставь, но не занимайся и втайне. Перестал ты умерщвлять людей, удерживай и язык свой от клеветы, от злословия, от сплетен... Сам себя переплавляешь ты, грешник, сам себя воскрешаешь из мертвых. Поэтому, если делаешь что вполчину, то сам себе наносишь обиду. Если немного и в малости не доделанное недостаточно и несовершенно, то кольми паче сделанное вполчину?.. Если не всецело приносить покаяние, то вполчину делаешься праведным». Вот в чем состоит внутренняя, существенная сторона уничтожения греха в человеке: человек должен сам бросить грех, и, насколько он бросит его в своей воле, настолько и освободит его от греха благодать. Поэтому-то после прощения грехов он и оказывается ревнителем добрых дел.

Итак, по православному учению, прощение грехов в таинстве крещения или покаяния происходит отнюдь не внешне-судебным способом, состоит не в том, что Бог с этого времени перестает гневаться на человека, а в том, что вследствие коренного перелома, настолько же благодатного, как

и добровольного, в человеке является жизнеопределение, совершенно противоположное прежнему, греховному, так что прежний грех перестает влиять на душевную жизнь человека, перестает принадлежать душе – уничтожается. Поэтому человек и примиряется с Богом, и милость Божия становится доступной для человека⁵.

Мысли еп. Феофана

Весьма поучительно прочитать объяснение внутренней стороны таинства в сочинениях покойного преосв. Феофана, глубоко проникнутого отеческим учением (особенно там, где он, оставив школьную форму, переходит на жизненную, истинно-отеческую почву).

По представлению преосв. Феофана, внутреннюю сущность таинственного обновления человека составляет его добровольное и окончательное определение себя на угождение Богу. «Это решение, – говорит преосв. Феофан, – есть главный момент в деле обращения, коренной, источник». От этого коренного момента зависит и действенность возрождения. «Если человек (после крещения) делает добро, то сие потому, что исходит из купели ревнителем добрых дел, облеченным и силою на творение их. Но сия ревность произвольно им воспринята в минуты сокрушенной скорби о грехах и взыскания помилования; благодать же Божия, пришедши потом, укрепила ее и сделала мощною». «В умертвии греху чрез крещение ничего не бывает механически, а все совершается с участием нравственно-свободных решимостей самого человека. Существо умертвия греху всегда одно: это есть отвращение от греха, смертельное возненавидение его. Где же оно в крещении? – Тут же, в духе крещаемого. – Ибо что делает крещаемый пред погружением в купель? – Отрицается сатаны, и всех дел его, и всего служения его; а это то же, что отвращается от греха и возненавидевает его. Когда затем, в сем духе отвращения и ненависти ко греху, погружается он в купель, тогда благодать Божия, нисшедши внутрь, закрепляет сии расположения и решения воли и дает им силу живую и действенную. Крещенному все прежние грехи прощаются, а от будущих охранять его будет сия нисшедшая в него в крещении сила. Он и есть воистину мертв греху». Прежние грехи человек бросил, и потому они ему не считаются, – вместо же греха у него теперь решение служить Богу.

III. Облечение человека во Христа

Учение Св. Писания

По ясному учению Слова Божия, человек спасается тем, что он находится в самом тесном единении со Христом, как ветвь с виноградной лозой. «Я, – говорит Господь, – есмь истинная виноградная Лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более приносила плода... Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают... в огонь, и они сгорают» (Ин.15,1, 2, 4–6). Но пребыть во Христе значит пребыть верным Его учению, значит иметь «слово Его пребывающим» в нас (Ин.15,7), исполнять Его заповеди (Ин.15,10). Следовательно, тот, кто стремится быть подобным Христу, кто решает исполнять Его волю (сущность крещения), тот делается ветвью, соединяется со Христом самым тесным и таинственным образом. Это единение, с одной стороны, дает человеку силы, укрепляет его решимость соблюдать волю Христа, а с другой – требует и от него усердия (иначе нечего укреплять, если нет решимости). Будет он ревновать о подобии Христу, Небесный Виноградарь не отсечет его от вечной жизни. Потеряет он ревность о Христе, тогда потеряет и помощь Божию, а потом и подобие Христово, засохнет, а конец этого оскудения духовной жизни есть погибель вечная. Если заслуга Христа останется лишь внешним для душевной жизни человека событием, тогда не может быть он спасен. «Не говорю вам, что Я буду просить Отца о вас: ибо Сам Отец любит вас (почему же? ради ли Моей заслуги, как такой? нет), потому что вы возлюбили Меня, и уверовали, что Я исшел от Бога» (Ин.16,26–27). Что же значит возлюбить Христа? – Возлюбить Христа может только тот, кто любит добро и ради закона Божия готов пожертвовать всем. Возлюбить Христа значит посвятить

себя на служение Христу, значит стремиться уподобиться Христу, считать Его своим учителем и примером (1Пет.2,4–5).

Необходимо, следовательно, жизненное усвоение заслуги Христовой, т.е. при духовном общении со Христом, усвоение того нравственного устройства, которое имел Христос и которое может сделать нас способными к восприятию вечного блаженства. Так, действительно, и есть.

Учение свв. Отцов

Чрез крещение люди «прицепляются истинной Лозе», становятся Ее ветвями не в том только смысле, что они «одеваются пресветлою и предрагою правды Христовой одеждою, яко порфирию царскою» (Св. Тихон Задонский), но они воспринимают Христа в себя, внутри по расположениям своей души становятся Христовыми (1Кор.15,23), сообразными Ему. «Вот, – говорит преп. Макарий Египетский, – основание пути к Богу: с великим терпением, с упованием, со смиренномудрием, в нищете духовной, с кротостью шествовать путем жизни; сим человек может сам в себе приобрести оправдание, а под оправданием разумею Самого Господа». Здесь говорится о жизни по крещении, но эта жизнь, как увидим, служит только развитием того, что получено при крещении. При крещении же человек не усваивает себе лишь то, что совершил Господь, а воспринимает путем решения святую, т.е. жизнь по воле Божией. «Исповедание, что не примет (человек) на себя более греховной тины и на жизненном пути не коснется земной скверны, делается, по словам св. Григория Нисского, входом святости в уготованную так душу; святость же – Господь». Душа не внешне участвует в плодах смерти или праведности Христовой, а воспринимает в себя Христа, облекается в Него.

«Совлекшись ветхого человека и отъяв покрывало сердца, душа, – продолжает св. Григорий Нисский, – отверзла вход Слову, и, когда Оно вошло, делает Его своею одеждою, по руководству апостола, который повелевает совлекшему с себя плотское одеяние ветхого человека облечься в ризу, созданную по Богу в преподобии и в правде (Еф.4,24). Одеждою же называет Иисуса».

Облечение во Христа состоит в том, что человек твердо блюдет путь Христов, нисколько не уступая пред искушениями мира и плоти. «Нельзя быть Христом, не будучи праведностью, чистотою, истиною и отсутствием всякого зла, – нельзя быть и христианином (облеченным во Христа), не показывая в себе

сродства с этими именами». Облечься во Христа значит, таким образом, принять Христово настроение и путь.

Св. Кирилл Александрийский говорит: «Лицезрения Своего (т.е. вечного блаженства) удостоивает и познает Бог и Отец одних только тех, которые (не заслугу Христову желают себе присвоить, а) имеют духовное сродство с Сыном и обогатились от Него и чрез Него духовным возрождением». Начальная ступень этого уподобления Христу полагается при крещении и состоит в том, что верующий прилепляется ко Христу. «Он есть виноградная Лоза; а мы срослись с Ним наподобие розог, связываемые с Ним чрез освящение единением по Духу» (ср. Ин.15,1,2,5). Однако, это прилепление нельзя представлять себе иначе, как в виде дела свободного или, точнее, настолько же свободного, насколько и благодатного; и это потому, что и «духом говорящими и пламенеющими любовью к Богу» мы можем быть только тогда, когда «прилепляемся ко Христу верою и жительством добрым и согласным с законом», т.е. свободным следованием закону Христову. «Причастие Христово святые и чистые души напаяет, а в душах, не так настроенных, вовсе не может утвердиться: *«святый бо Дух наказания отбежит лъстива»*, согласно написанному, *«ниже обитает в телеси повиннем греху»* (Прем.1,5,4). Итак, оказывая услуги обиженным и делами любви прогоняя огорчение братии, избавим себя самих от всякой вины и приобретем отпущение во Христе». Таким образом, получить «отпущение во Христе» или ради Христа, другими словами – усвоить Христову праведность, – можно только тому, кто наперед сам избавил себя от всякой вины, кто, т.е. «верою и жительством добрым и согласным с законом, прилепится ко Христу» и сделается Ему подобным, сродным. Облачение в правду Христову возможно только чрез уподобление Христу.

Св. Тихон Задонский, в творениях которого можно находить немало кажущихся указаний на одно лишь внешнее значение праведности Христовой, сам же дает и ключ, как следует понимать эти внешние определения. «Крещением, – говорит Святитель, – все обновляются и пресвятой нрав Христов на себя приемлют, и тако Церкви Святой причисляются». Как же

происходит это приятие на себя нрава Христова? Это разъясняется в следующих словах: «Надобно нам с трудом, прилежанием и подвигом искать ныне того, что туне и без труда нашего нам данное от Бога потеряли (т.е. первобытную чистоту и праведность души). Тогда видя Христос таковое души тщание, попечение и труд, по милости своей отнимает от ней безобразие и подает доброту и красоту образа Своего. На сие бо и в мир пришел, якоже поет Церковь: «Христос рождается прежде падший восставить образ». И сие-то есть – *«отложити нам, по первому житию, ветхого человека, тлеющего в похотях прелестных, обновлятися же духом ума нашего, и облещися в нового человека, созданного по Богу в правде и в преподобии истины»* (Еф.4,22–24), к чему не малое прилежание, труд и подвиг требуется». Вот основной закон, по которому совершается уничтожение в нас последствий грехопадения: необходим труд, прилежание, нравственные усилия самого человека. Только таким путем человек может восстановить в себе образ Божий, или – что то же – «нрав Христов» или «образ Христов», «Поищем, о христиане, – говорит св. Тихон, – доброты и красоты наша во Христе, которую во Адаме потеряли: поищем, пока обретается, да и zde ее в душах наших возьмеем, и в пришествии Христовом с нею пред Ним и всем миром явимся, которая тогда не токмо в душах наших будет, но и на телесах явится; и Христос, праведный Судия, видя в нас образ Божий и нас, Себе сообразных, признает нас за Своих и с Собою прославит».

Итак, по разуму свв. Отцов, человек облачается в крещении правдою Христовою в том смысле, что он принимает на себя «нрав Христов»; а этот нрав делает его сродным вечному царству Божию и, таким образом, способным к его восприятию в будущей жизни, когда это царство раскроется во всей полноте.

Усвоение правды Христовой по еп. Феофану

Опять считаем не лишним сопоставить эти наши выводы из отеческих свидетельств с такими же выводами преосв. Феофана. Последний весьма часто прибегает к обычному в школьной догматике внешнему представлению душевной жизни человека и, в частности, спасения. Точно так же и праведность Христа, которою человек спасается, часто в устах преосв. Феофана, по-видимому, превращается во внешнее событие, ради которого Бог перестает гневаться на грешника. «Когда человек, – говорит преосв. Феофан, – сделался преступником закона, то не мог иначе надеяться на достижение своей цели (т.е. общения с Богом), как чрез усвоение себе чужой праведности. Сия усвояемая праведность восполняет недостаток законности в нашей жизни и дает нам возможность быть близкими к Богу».

«В крестной смерти Господа – очистительная сила греха. Кто крестится, – погружается, – в смерть Христову, тот погружается в очистительную силу греха. Сия сила в самом действии погружения снедает всякий грех, так что и следа его не остается. Здесь бывает то же, как если бы кто приготовил такой химический состав, в котором, когда погрузят в него какое нечистое белье... всякая нечистота будет снедена. Так и смерть Христова, как очистительная сила греха, снедает всякий грех, как только кто погружается в сию смерть крещением. В крещенном и следа греха не остается: он умер ему».

Здесь иной увидел бы самое крайнее по своей вещественности представление об оправдании. Очевидно, в этих слишком осязаемых образах преосв. Феофан хотел изложить учение о том, что за смерть Христову грехи человеку прощаются. Однако вслед за таким описанием преосв. Феофан спешит оговориться: «Но, – говорит он, – надо при сем иметь в мысли, что в сем умертвии греху чрез крещение ничего не бывает механически, а все совершается с участием нравственно-свободных решимостей самого человека».

В «Письмах к одному лицу в С.-Петербург» мы читаем: «Для того, чтобы совершилось спасение каждого человека, в частности, необходимо, чтобы совмещенные в лице Господа потребности⁶ спасения перешли в каждого и им были усвоены. Сие последнее совершает Святой Дух. Словом благовестия возбуждает веру в силу крестной смерти Господа и в купели крещения омывает верующего и от первородного греха и от всех произвольных, обновляя в то же время его духовную жизнь и делая ее сильною противостоять греху и преуспевать в добре. Обе потребности исполняются зараз. Исходящий из купели крещения бывает и оправдан и праведен, всякая вина греха с него снимается, и он желает лишь одного Богу угодного добра и силен на делание его. Это и есть облачение во Христа, в коем потребное для спасения от Христа Господа переходит на верующего крещающегося и ему усвоится не номинально, а существенно. Пока он верует только во Христа, сии потребности суть его, но только номинально, как определенные ему и готовые для него, в купели же крещения они существенно становятся его собственностью». Таким образом, праведность Христова не зачисляется только крещаемому, а существенно принимается им: он теперь «желает лишь одного добра и силен на делание его».

Одно внешнее признание человека-грешника праведным может, конечно, его утешить, но возбудить его к деланию добра, укрепить в полученной невольной праведности может только тогда, когда человек желает этого, т.е. когда в душе его есть перелом, обращение от зла к добру.

Свобода человека в усвоении правды Христовой

Спасение и, в частности, оправдание для православного есть состояние свободно-нравственное, хотя и могущее совершиться только с помощью благодати Божией. Чтобы быть возрожденным благодатию, человек должен сам содействовать своему возрождению. «Приступая к доброму Врачу», – пишет св. Ефрем Сирин, – грешник должен со своей стороны «принести слезы – это наилучшее врачевство. Ибо то и угодно небесному Врачу, чтобы каждый собственными слезами врачевал себя и спасался», а не невольно претерпевал только спасение.

«Тщательно измой себя слезами, как красильщик измывает волну, предайся смирению и сократи себя во всем; ибо, таким образом предпочистив себя, приступишь к Богу готовым уже к принятию благодати. Некоторые из кающихся снова возвращаются ко греху, потому что не знали сокрывающегося в них змия, а если и знали, то не совершенно удалили его от себя, ибо позволили остаться там следам его образа, и он вскоре, как бы зачавшись в утробе, снова восстанавливает полный образ своей злобы. Когда видишь кающегося и снова согрешающего, то разумей, что он не переменился в уме своем; потому что в нем еще все пресмыкающиеся греха. Признак же приносящего твердое покаяние – образ жизни собранный и суровый, отложение кичливости, самомнения, а также очи и ум, всегда устремленные к вожделенному Иисусу Христу, с желанием, по благодати Христовой, стать новым человеком, как волна делается багрянцей или тканью голубого или гиацинтового цвета».

Таким образом, действенность таинства стоит в зависимости от степени свободного участия в нем самого человека. Чтобы выйти из таинства новым человеком, он должен сам стремиться быть новым и, насколько есть у него сил, должен уничтожить в себе малейшие остатки прежнего греховного устройства. Поэтому-то Отцы Церкви и настаивают на том, что свободное решение и усилие человека – такое же

необходимое, хотя и недостаточное само по себе условие оправдания в крещении, как и благодатная помощь Божия. «Если нет воли, – говорит преп. Макарий Египетский, – Сам Бог ничего не делает, хотя и может по свободе Своей. Посему совершение дела Духом зависит от воли человека».

Возрождение человека совершается путем нравственным, при свободно-сознательном содействии самого человека. «Совершается обновление жизни в человеке, – говорит преосв. Феофан, – не механически (т.е. не так, чтобы благодать Божия изгоняла из души человека грех, как что-то независимое от воли человека, и на место его поселяла также помимо воли праведность), а по внутренним произвольным изменениям или решениям; совершается так и в крещении потому, что наперед крещаемый возлюбил так жить. Посему пред погружением в купель мы, отрекшись от сатаны и дел его, сочетаемся Христу Господу, чтобы Ему посвящать всю жизнь. Это расположение в купели благодатию Божиею запечатлевается и силу принимает быть действенным. Выходя с ним из купели, крещенный является, таким образом, совсем новым, обновленным в нравственно-духовной своей жизни, – воскресает. Подобно тому, как Христос Господь воскрес, и крещенный, погружаясь в купель, умирает, а, выходя из купели, воскресает: умирает греху и воскресает для правды, для новой и обновленной жизни. Вот об этом таинственном и вместе свободно-охотном изменении и говорит в настоящем месте св. апостол Павел: «спогреблись... чтобы *ходить в обновленной жизни*» (Рим.6,4).

Поэтому, давая полную силу и значение благодатному воздействию на душу человека, Отцы Церкви изображали таинство крещения в виде завета с Богом, т.е. такого действия, которое прямо предполагает свободу не только для восприятия благодати, но в самых плодах благодатных. «Кратко сказать, под силою крещения, – замечает св. Григорий Богослов, – должно разуметь завет с Богом о вступлении в другую жизнь и о соблюдении большей чистоты»; а это предполагает и желание быть добрым, и решение быть им, и на самом деле работу над собой, да и свободные усилия человека при самом таинственном воздействии.

Сохранить себя на пути добра человек может только прямыми усилиями своей воли, принуждениями себя к добру. «Что в крещении погребены наши прежние грехи – это, по словам св. И. Златоуста, – есть Христов дар; а чтобы после крещения пребывать мертвыми для греха, это должно быть делом собственного нашего рачения, хотя и в сем подвиге, как увидим, всего более помогает нам Бог. Ибо крещение имеет силу не только заглаждать прежние согрешения, но и ограждать от будущих. Как для заглаждения прежних грехов ты употребил веру, так, чтобы не оскверниться грехами по крещении, яви перемену в расположении». Хотя благодатная помощь всегда готова крещенному, хотя он в преискреннем соединении со Христом, однако только при содействии своей воли человек может воспользоваться этой благодатной помощью. «Евангелист, – говорит тот же св. Отец, – нигде не дает места принуждению, а показывает свободу воли и самостоятельность человека; это высказал и теперь. Ибо и в этих тайнах (возрождении и пр.) одно принадлежит Богу – даровать благодать, а другое Человеку – показать веру. Но затем требуется от человека еще много заботливости: ибо для сохранения чистоты нам не довольно только креститься и уверовать, но, если мы желаем приобрести совершенную светлость, то должны вести достойную того жизнь. А это Бог предоставил нам самим. Возрождение таинственное и очищение наше от всех прежних грехов совершается в крещении; но пребыть в последующее время чистыми и не допускать в себе снова никакой скверны – это зависит от нашей воли и заботливости».

Так в крещении, так же и при всяком другом таинстве: свобода человека всегда сохраняется. «Честная кровь Христова, – говорит св. Кирилл Александрийский, – избавляет нас не только от гибели, но и от всякой нечистоты, сокрытой внутри нас, и не допускает нас охлаждаться до равнодушия, но, наоборот, делает нас горящими духом». Однако это только при добровольном старании самого человека: «необходимо и полезно, чтобы однажды удостоившиеся причаститься Христа старались твердо и неуклонно держаться святой жизни»; так что

даже на самых высших степенях благодатного озарения человек все-таки остается причиной своих действий и всегда может пойти совершенно противоположным путем. «И исполненные Духа Святого, – по словам преп. Макария Египетского, – имеют в себе естественные помыслы и имеют волю соглашаться на них».

Поэтому Отцы Церкви всегда учили, что благодать оправдания есть явление в известной степени временное, т.е. временно ощущаемое и временно скрывающееся от сознания, что она, наконец, может оказаться и утраченной для человека. «Даже совершенные, – говорит преп. Макарий Египетский, – пока пребывают во плоти, не избавлены от забот (т.е. о своем спасении) по причине свободы и состоят под страхом; почему и попускаются на них искушения». И только, «когда душа войдет в оный град святых, тогда только возможен пребывать без скорбей и искушений». Праведность – это огонь, возгоревшийся в нас, который грозит угаснуть при малейшей невнимательности с нашей стороны. «Огонь, который мы получили по благодати Духа, – говорит св. И. Златоуст, -если захотим, мы можем усилить, если же не захотим, тотчас угасим его. А когда он угаснет, в наших душах не останется ничего, кроме тьмы. Как с возжением светильника появляется большой свет, так с его погашением не остается ничего, кроме мрака. Поэтому сказано: *«Духа не угашайте» (1Сол.5,19)*».

Однако, не нужно представлять себе последующей жизни человека в таком виде, что вся его задача будет состоять только в том, чтобы не потерять как-нибудь эту полученную им праведность.

Зачаточный характер праведности крещения

В крещении человек одержал первую и, можно сказать, решительную победу над грехом. Но, чтобы окончательно восторжествовать над грехом, необходимо его изгнать совершенно из своей природы, нужно совершенно очистить свою душу и тело от малейших признаков ветхого человека. Тогда только спадают окончательно «путы» греха, и человек вполне усвоит себе вечную жизнь. «Господь приступающего к Нему с покаянием и верою приемлет, прощает ему все прежние грехи и, освящая таинствами, снабжает силою препобеждать живущий в нем грех, самого же греха не изгоняет, возлагая на самого человека изгнать его с помощью даруемой ему для того благодати» (еп. Феофан).

Вследствие этого и положительная сторона возрождения – облечение во Христа, является тоже только зачаточной несовершенной. Человек сообразен Христу, но только в смысле общности идеи и начала жизни в том смысле, что он избрал Христа отселе Своим Господом и Учителем, а отнюдь не в смысле полного подобия природе. Человек только определил себя на службу Христу, но еще не исполнил своего определения, еще не усвоил себе в полноте той жизни, проходить которую он назвал отселе своим долгом и своим высшим благом. Душа и в возрождении только еще обратилась и вступила в жизнь Божественную, она, скорее, только готова к восприятию этой жизни, чем ею наслаждается. «Крещение есть только предначатие воскресения из ада» (Ефрем Сирин). «В христианах, яко чадах Божиих, – говорит св. Тихон Задонский, – должен быть наченшийся образ Божий, которым должны подоби́ться Отцу своему Небесному». «Бог доброе семя на сердце человеческом посеял, и добрым его сделал, и помогает ему и укрепляет его добро творити». Это семя определеннее св. Тихоном называется «живой верой», т.е. именно определением себя по Христу⁷. Итак, человек имеет только «начаток Духа» (Рим.8,23), или «наченшийся образ Божий», имеет только семя.

Если же праведность, полученная человеком в крещении, является, скорее, возможностью, чем действительностью (в смысле, конечно, полного подобия природы), если она только есть семя, тогда дальнейшая жизнь становится весьма ясной и понятной.

«Святое крещение, – по выражению св. Афанасия Александрийского, – отверзает нам (только) путь к просвещению», только дает нам возможность начать свое спасение. «Приявший баню пакибытия, – говорит св. Григорий Нисский, – подобен молодому воину, только что внесенному в воинские списки, но еще ничего не выказавшему воинственного или мужественного. Как он, повязавши пояс и облекшись хламидою, не считает себя тотчас же храбрым и, подходя к царю, не разговаривает с ним дерзновенно, как знакомый, и не просит милостей, раздаваемых трудившимся и подвизавшимся, так и ты, получив благодать, не думай обитать вместе с праведными и быть причтенным к лику их, если не претерпишь многих бед за благочестие, не будешь вести борьбы с плотию, затем с диаволом, и мужественно не противостоянешь всем стреляниям лукавых духов».

Человек получил благодать, определился к добру; но привычная стихия греха остается пред сознанием в качестве искушающего начала и находит себе более или менее сочувствия и в природе человека. Поэтому, при невнимании со стороны крещенного, умерщвленная вражда против Бога и Его святого царства может воскреснуть вновь и сделать напрасным принятие таинства. Благодатное царство зачалось в человеке, но еще не завоевало всей его природы, не уподобило ее себе всецело. «Бывает, – говорит преп. Макарий Египетский, – и то, что в ином есть благодать, а сердце еще не чисто». Нечто подобное имеет место и при таинстве; человеку предстоит борьба с остатками своего прежнего бытия, с греховными навыками, с привычкой вообще жить по стихиям мира. Только после этой борьбы, когда изглаждена будет возможность греха, цель человека можно считать достигнутой и его спасение вполне совершенным. «Если нужно, – говорит св. Иоанн Златоуст, – получить Царствие Небесное, то недостаточно

освободиться от греха, но нужно еще много упражняться и в добродетелях. Ибо от порочных действий нужно удерживаться для того только, чтобы освободиться от геенны (вот смысл жизни с правовой точки зрения); но чтобы наследовать Царствие Небесное, необходимо стяжать добродетель».

Задача жизни человека после крещения

Кто освободился от греха в крещении, тот за прежние грехи, конечно, наказан не будет; но если он этим очищением и удовольствуется, то в Царство Небесное он все-таки не войдет. Необходимо над собой работать и после крещения, так как в противном случае все обещания человека, все его желания отселе быть праведным окажутся только пустым звуком: отвергнув прежнюю жизнь, человек должен начать новую, а не оставаться в безразличии. «Как скоро, – говорит св. Григорий Нисский, – душа возненавидит грех, усвоит себе по возможности добродетельный образ жизни и примет в себя благодать Духа, претворив ее в жизнь, то она станет всецело новою и воссозданною». Недостаточно, следовательно, возненавидеть греховную жизнь и отречься от нее, – необходимо с корнем вырвать малейшие остатки ее; недостаточно определить себя к жизни по Христу, – необходимо претворить принятую благодать в жизнь, В этом смысле и можно говорить, что благодать крещения может быть увеличена или уменьшена. «Духовная благодать, – говорит св. Киприан Карфагенский, – которая в крещении равно приемлется верующими, потом поведением и действиями нашими или уменьшается, или умножается, подобно тому, как в Евангелии семя Господне равно сеется, но по различию почвы иное истощается, а иное умножается в разнообразном изобилии, принося плод в тридцать, шестьдесят или сто раз больший».

Необходим, следовательно, продолжительный подвиг постепенного очищения, дальнейшего совершенствования, или восхождения от младенчества к возрасту мужа совершенна; конец же этого восхождения есть Богоподобие или святое общение с Богом, т.е. вечная жизнь. «Как скоро, – говорит преп. Макарий, – душа возлюбила Господа, исхищается она из сетей (мира) собственною своею верою и рачительностию, а вместе и помощью свыше, сподобляется вечного Царства, и, действительно возлюбив последнее, по своей воле и при помощи Господней, не лишается уже вечной жизни».

Заклучим и этот отдел словами преосв. Феофана, к которому уже не раз обращались мы за проверкой нашего понимания учения свв. Отцов. «Исполнивший все заповеди, – пишет покойный Святитель, – благоукрашает свою душу всякими добродетелями и делает сердце свое храмом, достойным быть обителию Господа. Он (Господь) и вселяется в него тогда. Он в нем бывает с минуты св. крещения и еще преискреннее приобщится с ним во св. причастии. Но, помогая ему в жизни святой, все еще не всецело успокаивается в нем, потому что, пока не водворятся в душе все добродетели чрез исполнение заповедей, – в ней все еще остаются следы страстей, – неприятный Господу запах греха. Он и не успокаивается в нем, как бы не доверяя ему и еще только изготовляя Себе покойную в нем обитель. Когда же душа освятится добродетелями, тогда уже Он благонадежно входит в нее, как в дом, и обитает спокойно, нетревожимый неприятными ему движениями греха и страстей». Последующая жизнь, таким образом, не механический, побочный придаток, а необходимое дополнение свободно-охотного и вместе таинственного переворота, пережитого человеком в крещении.

С другой стороны, при православном понятии о сущности возрождения легко можно объяснить и то явление, что спасаются люди, умершие не только сразу после крещения, не заявив деятельно своей веры, но и до крещения (так называемое крещение кровию).

Если сущность таинства – в укреплении ревности человека к добру, то совершенно понятно, что эта ревность все равно делает его членом Царства Небесного и дает ему способность усвоить себе блаженство святости, хотя бы в настоящей жизни человеку пришлось ограничиться только одним словесным обещанием жить свято. Когда человек после крещения ничего не делает для своего совершенствования, хотя и имеет возможность, это – знак, что он принял крещение только наполовину, что любви к добру и желания святого общения с Богом у него на самом деле нет. Естественно такому человеку оказаться лишенным обещанной ему награды: он по настроению своей души чужд Царству Божию. Но если человек не делал

ничего только потому, что не мог, или потому, что смерть не допустила его исполнить свое обещание, тогда, конечно, Царство Небесное ему открыто: он всю душою его желает, всю душою хочет быть святым и со святыми, хочет идти за Христом. Его душа, следовательно, готова к созерцанию всеяго Бога и к общению с Ним; это общение потому и будет его желанным уделом. «Разбойник, – говорит преп. Ефрем Сирин, – исповедавшись словесно, спасается, потому что не было ему времени принести покаяние на самом деле; переменою своею (переворотом от вражды ко Христу к любви к Нему, от радости пред поруганием Праведника к благоговейному признанию его святости и желанию хотя быть помянутым в Царстве Поруганного) показал в себе он стремление обратиться и деятельно, если бы дано было ему время; как за слово можно быть осуждену в нечестии, так по слову же можно оказаться и благочестивым». И это потому именно, что Бог ищет не внешних поступков, не заслуг со стороны человека, чтобы не даром уступить ему блаженство в вечном общении с Собою, а ищет только способности к восприятию этого общения и дает его, не сколько Сам может или хочет дать, а сколько человек может вместить. «Человек, – по мысли преп. Макария Египетского, – будет наслаждаться обетованием в такой мере, в какой, уверовав, возлюбил оное, а не в какой трудился. поскольку дары велики, то невозможно найти достойных трудов. Но велики должны быть вера и надежда, чтобы ими, а не трудами, измерялось воздаяние. Основание же веры – духовная нищета и безмерная любовь к Богу». Раз существует эта любовь к Богу, раз человек сознает в душе свое ничтожество без Бога и всю душою искренне устремился к Нему, тогда спасение ему будет даровано, хотя бы делами он и не успел заявить своего бесповоротного решения. «Только пожелавший доброго, а к совершению его встретивший в чем-либо препятствие... по расположению души ничем не меньше доказавшего изволение свое делами» (Григорий Нисский).

Поэтому даже неприятие таинства в установленной форме может не повредить человеку, раз образовалось в нем это

существо истинного христианства – желание Царства Христова. Не успевший по независящим от него причинам осуществить своего желания сочетаться со Христом, тем не менее, принимается наравне с крещенным. «Соизволение (в этом случае) ценится, как самое дело, потому что (и в этом деле) основа делу полагается произволением» (Ефрем Сирин). Крещение кровию заменяет таинственное крещение водой, конечно, не своей внешней формой, не омовением вместо воды кровию, ибо бывает мученическая смерть и без пролития крови; оно тождественно с ним по внутреннему смыслу: как то, так и это происходят от бесповоротного решения служить Христу и отречения от своих греховных желаний.

Таким образом, спасение каждого отдельного человека, по православному учению, является не событием, происходящим в Божественном только сознании, не делом правового вменения, по которому бы Господь присуждал человеку ту или другую участь на основании каких-нибудь внешних обстоятельств, т.е. на основании или заслуги Христа, или собственных заслуг человека. Спасение необходимо посредствуется переходом человека от греха и себялюбия в Царство добра и любви, которое предвкушается человеком здесь, во всей же полноте будет наследовано в будущем веке. Переход этот зачинается в крещении, когда человек силою Божиею утверждает в своем решении быть истинным христианином; продолжается в виде естественного (свободно-благодатного) развития положенного семени вечной жизни после крещения; и завершается вступлением человека туда, куда он себя при помощи данных ему средств приготовил, к чему развил в себе восприимчивость, т.е. Небесное Царство света, истины и любви. Человек «поступает туда, где ум имеет свою цель и любимое им» (Макарий Египетский).

IV. Вера как условие спасения

Спасение есть свободно-благодатный переход человека от зла к добру, от жизни по стихиям мира и от вражды против Бога к жизни самоотверженной и к общению с Богом. Что служит условием такого перехода?

В собственном и строгом смысле, таким условием или производящей причиной может быть только вера во Христа

Как бы человек ни успевал в делании добра, какие бы подвиги он ни предпринимал, но, если нет у него веры во Христа, сам он никогда не постигнет той истины, что Бог его прощает. Пред сознанием человека стоят его бесчисленные грехи и неумолимый закон правды, требующий удовлетворения. Сам Бог представляется ему, поэтому, только в виде грозного, карающего Судии; представляется враждебным человеку. Не имея ничего сказать в свое оправдание, человек только трепещет Бога и готов скорее бросить всякую мысль о своем спасении и отдаться безбожию. Сам собою любви Божией он не поймет и к ней не обратится. *«Как призывать Того, в Кого не уверовали?» (Рим.10,14).* Как обратиться с мольбою о помощи и прощении к Тому, о любви Кого не знают? *«Преступления наши и грехи наши на нас, и мы истаиваем в них: как же можем мы жить?» (Иез.33,10).*

Грешник может просить у Бога помилования только тогда, когда знает, что Господь относится к человеку *«по великой милости Своей и по множеству щедрот Своих»*, только в этом случае человек может просить об отмене праведного приговора Божия за грехи (Пс.50,3,5,6). Закон правды предносится сознанию человека во всей своей неумолимой ясности: *«беззакония мои я признаю, и грех мой всегда предо мною. Тебе, Тебе единому согрешил я и лукавое пред очами Твоими соделал»*. Этого сознания изгладить нельзя. Где же спасение?

Вера во Христа, как средство к познанию любви Божией

«Бога никто же виде нигдеже»; познать, следовательно, что Он есть любовь, никто сам собою не может. Его явил человечеству «Единородный Сын, сый в лоне Отчи» (Ин.1,18). «Любовь (Божью) познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою» (1Ин.3,16). Таким образом, познать любовь Божию может только тот, кто верует, что Иисус, пострадавший и распятый, есть, действительно, Сын Божий. А раз кто верует, что Христос, действительно, пострадал ради нас, в том может ли остаться какой-нибудь след страха пред Богом и отчуждения от Него? «Если Бог за нас, – говорит верующий, – кто против нас? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Рим.8,31–32). Человек сознает себя бесконечно виновным пред Богом, но если Бог дал Своего Сына, чтобы «привлечь всех к Себе» (Ин.12,32; Кол.1,20–22), если для одной погибшей овцы Он оставил Своих девяносто девять непогибших, – следовательно, эта овца, при всей своей греховности, при всей своей отчужденности от Бога, продолжает быть дорога Ему, – при всей ее греховности. Бог для нее сошел на землю и зовет ее к Себе. Грех, следовательно, более не лежит между Богом и человеком. Бог Сына Своего отдал, чтобы убедить человека в Своей любви к нему и в Своем всепрощении. «Кто же (после этого) будет обвинять избранных Божиих?» Бог, Сам Бог не поминает их греха, «Бог оправдывает их». – «Кто осуждает?» кто может грозить им судом и карою? – «Христос Иисус умер, но и воскрес» (Рим.8,33–34). Вот вечное и несомненное доказательство любви Божией к грешнику.

Таким образом, вера во Христа является тем средством, чрез которое человек узнает любовь Божию, т.е. то, что содеянный грех отнюдь не препятствует сближению Бога с человеком, что Бог простил грех и все Свое домостроительство направляет к тому, чтобы как-нибудь возвратить к Себе греховного человека. «Риза христиан, покрывающая безобразие

нашего греха, есть вера во Христа», – говорит св. Василий Великий. Раз человек верует во Христа, он, следовательно, верует в любовь Божию и отнюдь не боится, ради своих прежних грехов, приступить к Богу с мольбою о прощении и помощи, зная, что любовь Божия только и ждет его обращения.

В этом смысле и можно православному сказать, что вера служит как бы органом восприятия благодати и милости Божией. Верующий знает и верует во всепрощающую благодать Божию – и потому не боится гибели.

Раз явилась такая вера в человеке, тогда сразу же меняются отношения между ним и Богом. Доселе любовь Божия не находила себе соответствия в человеке. Боясь праведного суда Божия, человек отдалился от Бога и вместо любви относился к Нему с враждой. Теперь же его сознание проясняется: он видит, что Бог – не грозный Владыка, а Отец, что Он не пожалел Своего Сына, чтобы только примирить с Собою человека. Естественно, что – и вражда против Бога, отчуждение от Него в человеке пропадает. Вместо отчуждения он начинает стремиться к Богу, отвечать на его любовь любовью же. Бог для него уже не чужой, он называет Его своим. *«Господь мой и Бог мой!»* (Ин.20,28) – говорит уверовавший Фома. *«Свойство сердечной веры, – говорит св. Тихон Задонский, – Бога своим Богом от сердца называть; так Давид глаголет: «Господи: Боже мой... Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя! Господь, утверждение мое и прибежище мое, избавитель мой, Бог мой, помощник мой, и уповаю на Него; защититель мой и рог спасения моего»* (Пс.17,29,2–3). Такое веры дерзновение изображается и во Псалме 90-м: *«Живый в помощи Вышняго»*, и пр. Тако Дамаскин, духом радуясь и играя, поет в своих к Богу песнях: *«Ты моя крепость, Господи! Ты моя и сила! Ты мой Бог! Ты мое радование!»*, – и причину этого радостного присвоения себя Богу Дамаскин указывает именно в том, что он узнал любовь Божию, явленную в пришествии в мир Сына Божия: *«не оставь недра Отца и нашу нищету посетив»*. Вместо отчуждения человек всею своею душою отвечает на любовь Божию, устремляется на ее зов. Между Богом и человеком устанавливается самый тесный нравственный союз, единение.

Об этом-то и говорит св. апостол Иоанн Богослов: *«Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге»* (1Ин.4,15). Не произнесение известных слов, конечно, привлекает Бога в душу человека. Апостол дальше делает несколько указаний, как совершается это духовное соединение человека с Богом... Он дальше говорит о том, что верующие познали любовь Божию в смерти Христовой. *«Бог есть любовь, и пребывающий в любви в Боге пребывает, и Бог в нем. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх»* (1Ин.4,16,18). Поэтому верующие уже не боятся суда. *«Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас»* (1Ин.4,19). Таким образом, исповедание тем спасительно, что оно необходимо сопровождается любовью к Богу, которая изгоняет страх и соединяет человека с Богом. «Бог, – описывает это состояние св. И. Златоуст, – призвал нас не для того, чтобы погубить, но – чтобы спасти. Откуда видно, что Он именно этого хочет? – *«Сына Своего, – сказано, – дал есть...»* за нас (Ин.3,16). Он столько желает нашего спасения, что дал Сына Своего, и не просто дал, но на смерть. Из таких размышлений рождается надежда. Не отчаявайся же, человек, приходя к Богу, Который не пощадил даже Своего Сына ради тебя. Не страшись настоящих бедствий. Тот, Кто предал Единородного, чтобы спасти тебя и исхитить из геенны, пожалеет ли чего еще для твоего спасения? Следовательно, надобно ожидать всего доброго. Ведь мы не уstraшили бы, если бы нам надлежало предстать пред судьей, имеющим судить нас, который показал бы такую любовь к нам, что заклал бы за нас своего сына. Итак, будем ждать всего доброго и великого; потому что главное получили, если веруем (бремя не страшит больше и не отгоняет от Бога, любовь Божия узнана). Но мы видим пример; будем поэтому и мы любить Его. Ведь было бы крайним безумием не любить Того, Кто столько возлюбил нас». Из познания любви Божественной следует уничтожение страха и дерзновение, а далее – союз любви, чувство взаимной близости, присвоение друг другу.

Уже нет более в сознании человека уdrучающего его страха: Бог для него не чуждый, грозящий Судия, неумолимый в

Своем правосудии, – Бог – любящий его Отец, который не помянет его прежних грехов, не станет ему выговаривать, почему так долго не приходил, где растратил данное ему имение. Он, еще издали увидя его, выйдет к нему навстречу и, не спрашивая, прикажет облачить в лучшую одежду и будет веселиться спасению грешника.

Почему так трудно верить для естественного, грешного человека?

Присутствие веры уже показывает начало обращения человека; потому что, как говорит св. Афанасий Александрийский, «вера есть знак душевного произволения». Чтобы прийти к мысли о том, что Бог не гневается за прежние грехи человека, что Он при всей Его святости есть любовь, для этого необходимо прежде всего много перечувствовать в своей душе, нужно понять тяжесть греха, признать себя погибающим и достойным гибели. Только после того, когда душа выстрадает это сознание, и возможна описанная вера в любовь Божию, этот нравственный союз, исполняющий человека такой радостью. Не понимающий тяжести греха не поймет и сладости быть незаслуженно прощенным: как тогда он не ощущал гнева Божия, так теперь не может ощутить и любви. Начало веры – в покаянии, в чувстве своей греховности. «По собственной вине, покрывшись облаком неправды, душа, – говорит преп. Ефрем Сирин, – блуждает во грехах, не зная того, что делает, не замечает окружающей ее тьмы и не понимает дел своих (вот состояние до вдохновения веры). Но как скоро коснется ее луч всеоживляющей благодати, душа приходит в ужас, припоминает, что ею сделано, и возвращается с опасной стези, от злых дел своих... С великою скорбью вздыхает она, жалобно сетует, проливая потоки слез, и умоляет, чтобы можно было ей добрыми делами возвратиться в прежнее, свое состояние... Лютят слезы из очей ее об утраченной красоте; многочисленны гнойные струпы ее, и, поскольку видит она великую гнусность свою, то бежит от нее и ищет защиты всещедрой благодати».

Таким образом, обращение к благодати предполагает целый сложный путь пробуждения от греховной жизни, возненавидения ее, попытки, или, по крайней мере, желания возвратиться к жизни добродетельной. Уверовать во Христа – дело весьма сложное, обнимающее собою всю душевную жизнь человека, требующее не только внимательности к проповеди, но и

отречения от себя, или, по крайней мере, отвлечения внимания от себя. Несомненно, что и благодать Божия содействует этому привлечению человека. «Веровать во Христа, – говорит св. Тихон Задонский, – не иное что есть, как, из закона узнавши и сердечно признавши свою бедность и окаянство, которое от греха и греху последующего праведного гнева Божия бывает, – из Евангелия же познавши благодать Божию, всем открытую, к Нему Единому под защищение прибегнуть, – Его Единого за Избавителя и Спасителя от того бедствия признать и иметь, на Него Единого всю спасения вечного, такожде в подвиге противу диавола, плоти, мира и греха, во время живота, при смерти и по смерти надежду неуклонно и неотступно утверждать, яко на несомненное и непоколебимое вечного спасения основание». «Истинно уверовать», следовательно, «свойственно душе мужественной» (Нил Синайский), «искренно расположенной к Богу» (И. Златоуст) и Его святому закону и царству.

Значение веры в свободно-благодатном акте возрождения человека

Но при всей своей сложности, при всей глубине – своей, состояние уверовавшего не может быть более, как только преддверием и приготовлением к спасению или оправданию, а не есть самое спасение или оправдание. Человек, правда, до веры доходит путем покаяния и самоотречения. Чтобы из простого знания о Христе, о Боге, сделать вывод и о своих личных отношениях к Богу, для этого нужно оплакать свое греховное бытие. Но что же получается, когда человек сделает этот вывод? Получается только то, что человек узнает о любви Божией к себе, узнает, что между ним и Богом не существует никакой стены, кроме его собственной греховной отчужденности от Бога. Человек начинает любить Бога и чувствовать, что любовь Божия отвечает на эту любовь, чувствовать полную возможность и на самом деле войти в союз и общение с Богом. Но это состояние во всяком случае только созерцательное. И, как такое, оно не может переродить человека помимо его воли, не может быть в душе тем самодвижущимся началом, которое делало бы за человека добрые дела. Точно так же и благодать Божия, хотя и присутствует, хотя и содействует просвещению человека, однако насильно действовать не может на одном том основании, что человек узнал о возможности получить эту благодать и хочет ее получить. «Содействие свыше требует также нашего произволения» (Нил Синайский). Чтобы на самом деле обратиться от греха и принять благодать, войти в союз с Богом, для этого недостаточно только быть искренно убежденным в милости и близости Бога, но и действительно бросить грех и обратиться к Богу. Человек убежден, что только в Боге его спасение, но пусть он сам протянет руку, чтобы взять помогающую ему десницу Божию. Иначе – он только при одном убеждении и останется. Не достаточно пожелать, хотя бы и искренно, жизни по закону Божию, необходимо и на самом деле ее начать.

«Веры, подвигов добродетели, Царства Небесного, если не будешь, – говорит св. Василий Великий, – просить с трудом и многим терпением, не получишь; потому что должно прежде пожелать, а, пожелав, искать действительно в вере и терпении, употребив со своей стороны все нужное, так чтобы ни в чем не осуждала собственная совесть, будто бы просишь или нерадиво, или лениво; и тогда уже получишь, если сие угодно Богу». Это свободное устремление человека к благодати и любви Божией и к святой, чистой от греха жизни и совершается человеком, как мы выше видели, в возрождении посредством таинства. В этом возрождении человек уже не видит только возможности союза с Богом, но и на деле соединяется с Богом. Силой Божией укрепляется дотоле несовершенная его решимость – не жить больше для себя, а для Бога, грех уничтожается, и человек, таким образом, уже не в виде возможности, а на самом деле *«уразумевает превосходящую разумение любовь Христову»* (Еф.3,19). Пока человек только верует, он убежден, что Бог его простит. После же возрождения, он на деле переживает это прощение. Прежде человек только надеялся, что Бог его не отринет. Теперь он и на деле видит, что Бог его не отринул. Таким образом, вместе с утверждением решимости человека – более не грешить и служить Богу – утверждается и его вера, а с верой и та радость о Боге, которая восторгается испытанной и незаслуженной любовью Божией, и любовь к Богу в ответ на Его любовь, и стремление быть с Богом, еще крепче сделать только что заключенный союз. Таким образом, действительно, вера спасает человека, но не тем одним, что она созерцает Бога, и не тем, что она открывает человеку Христа, – а тем, что она этим созерцанием будит волю человека.

В этой нравственной силе веры и заключается ее великое, средоточное значение при возрождении. В самом деле, мы видели, что сущность возрождения – в решимости служить отселе Богу. Эту решимость и утверждает благодать. В ней и совершается таинственный союз благодати и свободы человека. Верую именно Христос вселяется в сердце крещаемого (Еф.3,17). Силою именно веры человек предпринимает свое

бесповоротное решение быть с Богом, сочетаться Христу. «Вера, – говорит св. И. Златоуст, – открывает нам то, что истинно, и от искренней веры рождается любовь; потому что тот, кто истинно верит в Бога, никогда не согласится удалиться от любви». В вере, таким образом, посредствуется самая сущность возрождения.

Верой полагается и начало новой жизни в человеке, жизни в общении с Богом. Любовь к Богу становится основным законом жизни, ею определяется все делание и все хождение человека. Потому и отвращение от греха, и обращение к жизни святой восходит в новую степень. Если прежде человек более боялся греха, чем желал праведности, то теперь, познав любовь Божию, он начинает любить закон Божий ради Бога, чтобы ответить на любовь любовью же. Стремление быть святым, чтобы избежать гибели, переходит в стремление к Богу, чтобы быть угодным Ему. Личность человека еще более отодвигается на второй план, и началом жизни становится полное самоотречение. Так человек от страха пред своей гибелью переходит к вере, которая, в свою очередь, отвергает ему путь к любви.

Поэтому-то истинно верующий никогда не сошлется на свои труды, никогда не потребует за них себе награды: вся его душа полна созерцанием Божественной любви, любви бескорыстной и незаслуженной человеком. Поэтому и жажда быть угодным Богу, творить волю Его – в верующем человеке не имеет границ. «Проси, – говорит преп. Исаак Сирин, – у Бога, чтобы дал тебе прийти в меру веры. И если ощутишь в душе своей сие наслаждение, то не трудно мне сказать при сем, что нечему уже отвратить тебя от Христа. И не трудно тебе каждый час быть отводимым в плен далеко от земного, и укрыться от этого немощного мира и от воспоминаний о том, что в мире. О сем молись неленостно, сего испрашивай с горячностью, об этом умолай с великим рачением, пока не получишь. И еще молись, чтобы не изнемошь. Сподобишься же этого, если с верой понудишь себя попечение свое возвергнуть на Бога, и свою попечительность заменишь Его промыслением». (Вот отречение всецелое от себя на волю Божию). – «И когда Бог усмотрит в

тебе сию волю, что со всею чистотою мыслей доверился ты Самому Богу более, нежели самому себе и понудил себя уповать на Бога более, нежели на душу свою: тогда вселится в тебе она неведомая сила, – та сила, которую ощутив в себе, многие идут в огонь, и не боятся, и, ходя по водам, не колеблются в помыслах своих опасением потонуть; потому что вера укрепляет душевные чувства, и человек ощущает в себе, что как будто нечто невидимое убеждает его не внимать видению вещей страшных и не взирать на видение, невыносимое для чувств».

Таким образом, вера, показывая человеку любовь Божию, нравственно сродняет человека с Богом. Человек видит в Боге Отца, готового его принять. Это нравственное сближение завершается в крещении, в котором человек, утвержденный в любви Божией или в сознании этой любви, действительно сочетается Христу и исходит из купели «созданным на дела благая». Вражда против Бога разрушена, клятва снята, между Богом и человеком существует теснейшее взаимообщение любви. Спасение совершилось. Душа обручена с Христом, и вся Ему принадлежит. После этого, если бы человек и умер тотчас же, его спасение обеспечено: как разбойнику, и ему Господь говорит: *«днесь со мною будеши в рай»* (Лк.23,43). Это и есть состояние, в котором человек *«желание имеет разрешитися и со Христом быти»* (Фил.1,23). – Таково состояние человека, вышедшего из купели возрождения.

Вера христианина после крещения

Дальнейшая жизнь человека, как мы выше видели, состоит в развитии того семени вечной жизни, которое положено в крещении. Человек постепенно очищается от греха, постепенно совершенствуется и укрепляется в добре и восходит до возраста мужа совершенна. Однако, и тогда «началом жизни его» (Исаак Сирин), той «солью, которая сохраняет человека невредимым», продолжает быть вера. «Вера есть мать всякого доброго дела, и ею человек достигает исполнения на себе обетовании Владыки и Спасителя нашего Иисуса Христа, по написанному: «без веры невозможно угодить Богу» (Ефрем Сирин). Даже, если бы человеку случилось пасть: пусть только блюдет он свою веру, – нарушенная гармония его души будет восстановлена, разрозненные силы его будут опять собраны и с новой энергией устремятся против греха. «Вера, – говорит св. И. Златоуст, – есть глава и корень; если ты сохранишь ее, то, хотя бы ты и все потерял, опять все приобретешь с большею славой». «Вера есть мощь ко спасению и сила в жизнь вечную» (Климент Александрийский).

С другой стороны, понятно, что произойдет, если вера утрачена человеком. «Без елєя не может гореть светильник», без корня всякое дерево засохнет. «Без Мене, – сказал Господь, – не можете творити ничесоже» (Ин. 15, 5). Раз отнята вера, – отнят всякий смысл жизни и всякая сила делать добро. Нет того средоточия, которое связало бы старания человека и осмыслило их. Близости Божией человек не чувствует, благодати Его понять не может, Бог опять для него только каратель неправды. Обратится ли такой человек к Богу? А если не обратится, то и помощи Божией, Его благодати принять не может. Итак, потерявши это «око, просвещающее всякую совесть» (Кирилл Иерусалимский), веру свою, человек теряет и все свое духовное достояние – и погибает. Замечательны в этом отношении те черты, которыми Господь изображает праведников и грешников на последнем суде. Между тем как праведники, соблюдшие веру свою, удивляются милости

Божией: *«когда Ты видехом алчуща, и напитахом?»* – грешникам приговор Божий представляется несправедливым: *«когда Ты видехом алчуща, и не послужихом Тебе?»* (Мф. 25:37, 44). Бог представляется или враждебным к ним, хотящим, подыскивающим предлог, чтобы их осудить, лишит вечного блаженства. Первые жили в вере, и потому вся их душа полна чувством незаслуженной милости Божией, они и теперь исповедуют свое недостойнство. Последние же веру потеряли, милости Божией не признают, жили только для себя, – поэтому и теперь поднимаются на защиту своего «я». Первые по вере своей всегда видели путь к Богу открытым для себя, потому что видели милость Божию. Видя это, они всегда и стремились к Богу и постоянно были в духовном единении с Ним: это единение, естественно, делается их уделом и по выходе из этой жизни. Последние же, потеряв веру, естественно, потеряли и силы к духовному единению с Богом, отчуждились от Бога: поэтому, и по переходе в будущий мир у них не оказывается способности предаться Богу, удел их в мрачном царстве себялюбия, которое скрежещет зубами о своей гибели, не находя у себя сил примириться с этим, хотя бы, подобно праведнику, в мысли, что пострадал по воле Божией (Рим.9,3).

Итак, вера человека возродила, вера развивала и воспитывала его в духовной жизни, вера же приведет его и к вечному блаженству. Веруя, человек принял здесь благодать Божию и мог принять общение с Богом, несмотря на то, что до тех пор жил в грехе. Эта же вера в любовь Божию даст человеку возможность сохранить это общение с Богом и в грядущем царстве. «В день суда, – говорит преп. Нил Синайский, – сами будем своими обвинителями, обличаемые собственной совестью. Посему в этой крайности найдем ли иную какую защиту или помощь, кроме одной веры в человеколюбивейшего Господа Христа? Вера сия – великая наша защита, великая помощь, безопасность, и дерзновение, и ответ для соделавшихся безответными по несказанному множеству грехопадений».

Вера спасающая – свободна и активна

Во избежание недоразумений нужно здесь еще раз повторить, что Православная Церковь, полагая в вере все блаженство человека и считая веру причиной духовного возрастания человека, никогда не представляет себе этой веры в виде какой-то самодействующей силы, которая, как нечто постороннее, почти нудила бы человека к добродетельной жизни и к Богообщению. Конечно, верующий человек воспринимает благодать Божию, с которой и выходит на борьбу с грехом. Однако, орудием восприятия этой благодати служит не знание или созерцание милости Божией и Его готовности простить и помочь, а непременно свободное желание и решение человека. Точно так же и «деятелем добра, основанием праведного поведения» вера является только потому, что она «есть свободное согласие души» (Климент Александрийский). Вера только окрыляет волю человека, но отнюдь не освобождает его от усилий над собою. «Не уверовать только должно во Христа, – говорил преп. Макарий Египетский, – но и пострадать, по написанному: *«яко вам даровася... не токмо еже во Христа веровати, но и еже по нем страдати»* (Фил.1,29). Веровать только в Бога – свойственно мудрствующим земное, даже, не сказать бы, и нечистым духам, которые говорят: *«вемы тя, кто еси Сыне Божий»* (Мк.1,24; Мф.8,29)». При вере необходимо свободное избрание добра и решение делать его.

Не своей созерцательной стороной, не в качестве состояния воспринимающего вера спасает человека, так чтобы человеку оставалось только бездейтельно переживать свое спасение. Вера спасает своей деятельной стороной, постоянным участием в ней доброй воли (Ин.7,17). Верующий в вере своей находит дерзновение обратиться к Богу и, таким образом, вступает в общение с Богом, принимает это общение. Верующий, укрепленный силою Божией, устремляется к жизни святой и тем ее начинает. Вера в этом смысле есть «начало нашего упования и начаток Божественного к нам милосердия, как бы дверь и путь» (Кирилл Александрийский).

Вера и дела

Чтобы поставить на вид именно этот жизненный (а не формальный) смысл спасения, и именно там, где приходится ограждать себя от протестантских измышлений, наша Церковь и выбирает из двух выработанных на западе формул ту, которая приписывает спасение не одной вере, но вере с делами. «Веруем, – гласит 13-й член «Послания восточных патриархов», – что человек оправдывается не просто одною верою (т.е., как дальше видно, не ее теоретическою, воспринимательною стороною), но верою, споспешествуемою любовью (верою, как деятельною силою, тем, что она производит любовь), т.е. чрез веру и дела»... «Не призрак, – поясняют еще определеннее отцы, – только веры, но сущая в нас вера чрез дела оправдывает нас во Христе». Таким образом, оправдывает человека, несомненно, вера, но только настоящая, истинная вера, та, которая приводит человека к истинной жизни, заставляет его содевать свое спасение. Такой смысл имеет и учение преосв. Феофана о том, что вера спасает делами. «Спасение, – говорит Святитель, – от добрых дел; но в добрых делах преуспеть, как должно, нельзя без веры. Вера подвигает на добрые дела, вера указывает их, вера приводит и к получению сил на делание добрых дел. Посему вера – пособница к делам добрым. Главное – дела, а она – пособие». Спасение, значит, в том, что человек сам его содевает, но к этому содеванию он приходит не иначе, как верою.

Православный не должен понимать этого определения по католически, т.е. так, чтобы делами человек зарабатывал себе спасение. Дела сами по себе, в качестве внешних поступков или отдельных подвигов, не имеют в христианстве значения. Поведение здесь ценится только, как выражение соответствующего настроения души, известного направления воли, хотя, в свою очередь, и влияет на образование этого настроения. Вся Нагорная беседа построена на мысли о недостаточности одного внешнего доброделания и о необходимости внутренней перемены, которою на самом деле и

усвояется человеку Небесное Царствие, Поэтому и милость, оказанная пророку или ученику, тогда только ценится, когда оказана «*во имя пророка или ученика*», во имя веры (Мф.10,41–42). «Если, – говорит св. апостол Павел, – я раздам все имение свое, и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1Кор.13,3). На внешность смотреть нельзя. Апостол и разъясняет подробнее: сущность спасения не в подвигах, как таких, не во внешнем усердии; и подвиги, и усердие должны проистекать из возрожденной, переменной души; в противном случае они – ничто пред Богом (Рим.4,2). Поэтому и может случиться, что две лепты, принесенные вдовицей, перетянут все множество приношений богачей, а грешник-мытарь окажется ближе к Богу, чем праведный фарисей; пришедшие в единонадесятый час и ничего не сделавшие – получают равное вознаграждение с трудившимися весь день и перенесшими зной дневной. С правовой точки зрения этого не объяснить: большой труд требует и большего вознаграждения (разве только будем отрицать вообще возможность всякого доброделания со стороны человека). С православной же – это не требует объяснений: Господь всех одинаково хочет спасти и ко всем одинаково устремляется. Весь, но у одного – стремления к Богу, способности воспринять Его общение больше, у другого – меньше. В таком случае и может произойти, что новообращенный и ничего не сделавший окажется равным или даже выше по награждению, чем состарившийся в вере и совершивший подвиги. Царствие Божие – не награда за труды, а милость, предлагаемая туне и усвояемая по мере приемлемости каждого.

Вопрос, следовательно, в том, куда направлена душа, чего она хочет, чем живет, Если к Богу ее стремление, если она не для себя живет, тогда она, помимо внешних дел своих, оправдывается; в этом залог будущего помилования, а подвиги и труды важны только для возвращения и укрепления этого стремления. «Воздаяние, – говорит преп. Исаак Сирин, – бывает уже не добродетели, и не труду ради нее, но рождающемуся от

них смирению. Если же оно утрачено, то первые будут напрасны».

Душа спасается не от дел своих внешних, а оттого, что внутреннее ее существо обновлено, что сердце ее всегда с Богом. Конечно, на последнем суде раскроется книга жизни каждого, и каждый даст ответ за всякое дело и слово, за всякую мысль, как бы ничтожна и мимолетна она ни была: совершенного нельзя назвать несовершенным. Но это раскрытие жизни для одних будет только источником смирения, только приведет их к сознанию незаслуженности помилования, и тем еще теснее привяжет их к Богу; для других же обличение совести на суде принесет отчаяние, и окончательно отторгнет их от Бога и Царствия. *«И идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный»* (Мф. 25:37, 44). Кто куда направлен был душой, туда и поступает.

Таким образом, в вере – все блаженство христианина. Вера – не только причина, движущая сила в духовном развитии человека, она, скорее, средоточие, самое сердце духовной жизни. По мере веры растет любовь, по мере любви возрастает вера: нравственное развитие человека и свое выражение, и свой плод находит в укреплении и возрастании веры. Вера содействует делам, и делами совершенствуется вера (Иак. 2, 22). Вера поистине является альфой и омегой нравственной жизни, как и Сам Господь, Которого она открывает человеку⁸. Приводя к любви, в которой существо вечной жизни (1Ин. 3, 14; Ин. 17, 26), вера тем самым дает человеку возможность здесь на земле начать вечное блаженство. По переходе же в мир будущий, вера превращается в ведение, а любовь, связавшая человека с Богом, продолжается в вечность.

Примечания

¹ - Заимствовано с сокращениями, не искажающими смысла, из сочинения архиепископа (Финляндского) Сергия. «Православное учение о спасении». Изд. 4. СПб. 1910 (стр. 140–155, 161–191, 195–206, 216–241).

² - Правовое мировоззрение, возникшее на почве римского права, усвоено христианским Западом и утверждается католическими и протестантскими богословами. Изложение его и оценка с точки зрения Св. Писания и Св. Предания будут представлены в следующем выпуске.

³ - Младенец, как вообще не употребляющий еще своей воли, обновляется под неперменным условием быть воспитанным в христианстве.

⁴ - Ср. Чинопоследование исповеди.

⁵ - Этому не будут противоречить и те многочисленные места святоотеческой литературы, где прощению приписывается, по-видимому, только внешне-судебный смысл. Все такие места нужно дополнить, по основному правилу всякого толкования: менее ясное дополнять более ясным. Раз выяснена существенная (реальная) сторона данного явления, внешнюю сторону согласить не трудно. Урезывать же первую ради второй будет не только не правильно, – это будет прямо искажением истины.

⁶ - Т.е. потребное для спасения.

⁷ - «Вера живая есть дар Божий, и есть аки семя некое Божественное, которое на крещении всякому крещаемому всевается». Т.1 71.

⁸ - Весьма хорошо и правильно представлено это средоточное значение веры преосв. Феофаном во второй части его «Начертания христианского нравоучения». Смысл жизни, так сказать, ее основная пружина полагается здесь в постоянном видении Бога, в сознании своего духовного союза с Ним. Это предполагает некоторую степень нравственного развития, и в

свою очередь служит родником, из которого рождается все разнообразие духовной жизни.